

ДНО

История из современной российской жизни

Все события и топонимы вымышлены и не совпадают с реальными, даже если носят идентичные названия.

Павел Валентинович был военным пенсионером. Сорок лет прослужил в ПВО, на легендарных зенитно-ракетных комплексах С-300 закрывая небо Родины от врага. Начиная службу в Западной группе советских войск в Германии, а после распада Союза в Псковской области. Дослужился до полковника, уволился и поселился в родном городе.

Полковничья пенсия позволяла Павлу Валентиновичу не задумываться много о материальных проблемах, и он всей душой отдался общественным делам. В седом, но крепком старичке кипел нескончаемый источник энергии и оптимизма. Он организовал официально зарегистрированный в мэрии поисковый отряд, написал и за свои средства издал четыре исторические книги, посвящённые периоду Великой Отечественной войны. Работая в архивах, он обнаружил, что многие погибшие солдаты оказались неучтёнными при переносе и укрупнении воинских захоронений и постепенно добивался справедливости, восстанавливая их имена.

Ещё в ГДР крепко запал полковнику в душу идеальный порядок маленьких немецких городков, где местные жители, не дожидаясь действий со стороны государства, собственными силами благоустраивали территорию, разбивая цветники, прокладывая удобные дорожки, наводя приятную взгляду чистоту. «Разве мы чем-то хуже немцев?» – думал Павел Валентинович и год за годом становился инициатором субботников, посадок деревьев, борьбы со стихийными свалками, собственными силами отремонтировал

подъезд своего пятиэтажного дома и вместе с супругой Зинаидой Петровной украсил его цветами в горшках.

До тех пор, пока не разразились события, о которых пойдёт речь в нашем рассказе, полковника в мэрии в целом терпели, считая безобидным гиперактивным дурачком, которому нечем себя занять на старости лет и даже назначили его почётным жителем города, выдав красивое удостоверение, не имеющее никакой фактической силы. Даже когда Павел Валентинович подал в администрацию жалобу на плохое состояние некоторых тротуаров в городе, мэр отреагировал на это снисходительно, хотя и хорошо знал, что бюджетные деньги, выделенные на ремонт, «распилил» он сам. В конце концов, мэру ничего ровным счётом не угрожало, ведь и прокурор, и местная полиция были у него в кармане, а на высшем уровне его покрывал губернатор области, получавший законную долю. Да и жалобы общественности он ловко использовал для выделения новых средств, что ещё раз открывало возможности для обогащения.

В общем жизнь отставного полковника шла своим чередом, однако всё изменилось в мгновение ока в результате последствий московского «мусорного кризиса». Как известно, невероятно разросшаяся столица Российской Федерации не только потребляет различные ресурсы поставляемые со всей страны, но и производит огромное количество отходов, чья утилизация представляет колоссальную проблему. В целях её разрешения в 20** году московские власти запланировали создание ряда мусорных полигонов на отдалении от столицы, замаскированных под названием «экотехнопарков». Так сложились обстоятельства, что строительство одного из крупных мусорных кластеров оказалось запланировано вблизи Большого Сенежского озера, на берегу которого и располагался город.

Неизбалованные высокими зарплатами и культурными объектами горожане очень любили своё озеро, ценили его прозрачную воду, самую чистую во всей области. Жизнь многих была так или иначе связана с ним. В летний период вряд ли нашлась хотя бы одна семья, не устроившая пикник на берегу, но и зимой

многочисленные рыбаки ловили из лунок окуня, щуку и краснопёрку. Привлекало озеро и столичных туристов, уставших от безумной суеты мегаполиса и плохой экологии, ищущих умиротворение, покой и первозданную чистоту. Прибыли от туристического потока составляли значительную часть доходов горожан. В выигрыше оставались туристические базы, гостиницы, кафе, сувенирные лавки, магазины. Прямо из озера осуществлялся водозабор.

И всё же изначально известия о возведении свалки не вызвало большую общественную реакцию. Да и не о мусорной свалке сообщали СМИ и чиновники, а о высокотехнологичном экотехнопарке, где отходы будут перерабатываться без малейшего ущерба окружающей среде, который к тому же обеспечит местных жителей немалым числом высокооплачиваемых рабочих мест. Были задействованы хитрые пиар-технологии, призванные убедить людей в абсолютной безопасности полигона, в его необходимости и полезности для местных жителей. Газеты заполнили рекламные статьи, обещающие горожанам новые детские площадки, развитие инфраструктур, ремонт социальных объектов, повышение уровня жизни и многие прочие бонусы вследствие строительства экокластера. «Новые технологии, - убеждали СМИ, - обеспечат полную герметичность мусорных брикетов при погрузке и разгрузке. Вероятность же загрязнения сточных вод полностью исключена».

Но когда проект был уже утверждён, сметы согласованы, а договора составлены и осталось лишь провести общественные слушания – сущая формальность, как думали в мэрии, московская «Современная газета», известная оппозиционной и правозащитной направленностью, выпустила журналистское расследование, посвящённое строительству, автором которого значился нештатный корреспондент издания Михаил Аверьянов. Именно этот текст читал сейчас Павел Валентинович и в нём росло возмущение. По информации журналиста, так называемый экокластер на самом деле будет банальной свалкой, представляющей большую угрозу для экологии. Сравнение проектной документации западных

предприятий по переработке и складированию мусора с отечественным оказалось не в пользу последнего. Действительно, в Европе переработка мусора стала настолько безопасной, что мусороперерабатывающие предприятия возводят прямо в черте городов, в том числе европейских столиц, как бы демонстрируя их гарантированную безвредность. Однако в нашем случае запланированный уровень загрязнения атмосферы, почвы и подземных вод даже по официальным бумагам в десятки раз превышал соответствующие европейские показатели. Издание спрогнозировало в случае строительства полигона попадание в Большое Сенежское озеро такого количества вредных веществ, что вода станет полностью непригодной для животных и растений и тем более для людей, и что уже в течение года после возведения кластера разразится настоящая экологическая катастрофа. Заказанная «Современной газетой» независимая экологическая экспертиза, проведённая международной организацией «Green world», полностью подтвердила выводы журналиста.

Павел Валентинович хоть и был когда-то государственным человеком - командиром военной части, но государству не слишком доверял. Цена слов чиновников, произносимых с экранов телевизоров, по его мнению, была совсем невелика. Особенно так стало после распада Союза, но и раньше он помнил, как трескучая пропаганда откровенно врала и до неузнаваемости искажала факты и как поддакивали ей официальные лица. По делам поискового отряда и увековечивания памяти воинов ему нередко приходилось общаться с госслужащими разных рангов, и он воочию видел их равнодушие, скрытое под маской вежливости и притворного участия. Поэтому выводам расследования Аверьянова, подкреплёнными цифрами, фактами и экспертным заключением экологов, он сразу поверил. И решил предпринять действия. Для начала посетить общественные слушания в городской администрации в начале следующей недели и задать чиновникам вопросы по фактам, указанным в публикации. А на подмогу привлечь человека, которого считал своим другом.

На слушания никого из местных жителей не пустили. В назначенные день и время полковник и около сотни наиболее активных горожан пришли на площадь Ленина к зданию городской администрации, но охрана заявила им, что свободных мест в зале нет. На площади стояло пять пустых автобусов и по толпе поползли слухи, что ещё до начала мероприятия к мэрии подвезли мигрантов из Средней Азии, работающих в системе ЖКХ и курсантов из расположенной в городе средней школы милиции. Заполнив зал специально привезёнными людьми, чиновники мэрии получили основание не пускать в помещение людей, от которых могли получить неприятные вопросы. Таким образом формально никаких возражений против строительства мусорного полигона на положенных по закону общественных слушаниях заявлено не было.

Другом полковника был Степан Петрович – тоже пенсионер, бывший мастер консервного завода, а ныне – первый секретарь местной первичной организации КПРФ. Сам Павел Валентинович в компартии не состоял и к политике относился равнодушно, считая своим делом низовую общественную жизнь, однако коммунисты, представляющие собой три десятка стариков, собиравшихся в деревянном доме с красным флагом, были единственной группой в городе, кто помогал полковнику по линии увековечивания памяти советских воинов. Через КПРФ как через зарегистрированную парламентскую партию удавалось делать официальные запросы в различные органы власти, добиваясь ответов, кроме того коммунисты всегда были готовы подписать очередное обращение по установке памятной доски героя и всегда приходили на церемонии захоронения найденных поисковым отрядом полковника останков. На этой почве и сошлись Павел Валентинович и Степан Петрович. Сейчас вместе с другими возмущёнными горожанами они стояли на площади, уложенной квадратными бетонными плитками и обсуждали ситуацию.

- Это правовой беспредел! – сказала пожилая женщина в белом платке и на её слова народ одобрительно забурлил. Павел

Валентинович вспомнил, что она работает в местном краеведческом музее, её звали Антонина Макарьевна. – Проявление неуважения к людям, к нашим правам и интересам!

- Бандиты, сущие бандиты! – поддержал женщину дедок в кепке.

Обозлённые люди припоминали властям все претензии, что накопились за последние годы – от высоких коммунальных платежей и плохой уборки улиц до изнасилований и прочих преступлений, совершённых нелегальными мигрантами, открыто живущими в расселённых аварийных домах, против чего не предпринималось никаких мер.

- Значит так, товарищи! – заговорил полковник, повышая голос, чтобы все слышали. – Теперь нет у нас другого пути, кроме протеста! Видно действительно готовится что-то нехорошее, раз с нами так поступают, не пуская в здание. Думаю, что мы с уважаемым Степаном Петровичем уже на днях подадим заявку на проведение митинга-народного сбора здесь на площади. Чтобы показать властям свою позицию и потребовать от них ответа.

Собравшиеся поддержали самопровозглашённого лидера и разошлись по домам.

Сказано - сделано. При поддержке первого секретаря, согласившегося стать вторым заявителем, полковник составил уведомление о проведении митинга на тему строительства полигона. Подумав, указал 500 человек заявленных участников. День недели: воскресенье. Время: 15:00. Место проведения: площадь Ленина.

На этот раз Павла Валентиновича впустили в мэрию и по лестнице, застеленной красной ковровой дорожкой, он поднялся на второй этаж в кабинет начальника отдела по законности. Владимир Алексеевич кормил рыбок, плавающих в большом аквариуме,

установленном на столе между двух оконных проёмов. Очередь в этот кабинет отсутствовала.

- Здравствуйте! – поприветствовал полковник чиновника и без лишних слов протянул ему лист. – Вот.

Ознакомившись, Владимир Алексеевич положил бумагу на стекло ксерокса, сделал копию, поставил на ней печать с входящим номером, поставил число, расписался и отдал заявителю.

- Ваш номер в заявлении указан, ждите, мы вам позвоним, - сказал он полковнику. Отдел по законности обязан был сообщить организаторам публичного мероприятия о его согласовании или об отказе в согласовании.

Павел Валентинович молча кивнул и вышел из кабинета. Спустя несколько минут из двери вышел начальник отдела по законности и направился к мэру.

Подписывая, как второй организатор, бланк уведомления о проведении митинга, глава коммунистов не сомневался, что акция будет согласована. Много лет 1 мая и 7 ноября он проводил митинги на площади Ленина и никогда ему не отказывали. Поэтому, не дожидаясь ответа, два пенсионера развернули кипучую деятельность. Ситуация с общественными слушаниями ничему стариков не научила. Они оказались неспособны осознать, что вступили на весьма опасную почву, затронув проблему, политический и экономический уровень которой был для чиновников слишком высок.

Степан Петрович вооружился старыми очками в толстой роговой оправе и обзвонил всех своих соратников и соратниц из первички и Совета ветеранов. Павел Валентинович же отправился лично обходить друзей и знакомых, начиная с соседей в подъезде и в доме. Зашёл в краеведческий музей, где немолодые сотрудницы его хорошо знали. Потом в дом культуры, в торговый центр, в

техникум, где учились ребята из поискового отряда, и чей директор оказывал их работе помощь. В небольшом городе многие знают друг друга лично и, встречая на улицах знакомых, полковник каждому рассказывал про публикацию в газете и выражал обоснованные сомнения относительно экологической безопасности в связи со строительством полигона. А поведав, каким подлым способом администрация не допустила на слушания местных активистов, он приглашал всех на митинг на центральную площадь. Акцию специально назначили на воскресенье, чтобы смогло прийти как можно больше людей.

Повстречав у магазина юношу Фёдора, принимавшего участие в нескольких походах отряда, когда неделю или две ребята жили в палатках в лесу и занимались раскопками мест боёв, бережно собирая останки погибших солдат, Павел Валентинович решил попросить его помочь отрекламировать митинг в интернете. Старый военный понимал, что в современной реальности всемирная паутина предоставляет огромные возможности для любых дел, однако сам не умел с ней правильным образом обращаться. Ему требовалась помощь молодёжи.

Фёдору в тот год исполнилось восемнадцать. Это был высокий русоволосый парень с правильными чертами лица. Он только окончил школу и собирался подавать документы в ВУЗ, не зная пока в точности в какой. В любом случае он должен был уехать из города, так как местные учебные заведения не могли удовлетворить его амбиций. Предстояло сделать сложный выбор между Москвой и Петербургом, между историей, биологией и химией – областями совершенно разными, но по-своему ему близкими, и он колебался.

Фёдору нравилось ездить с поисковым отрядом. За эту работу ничего не платили, но она давала приятное чувство выполненного морального долга, совершённого доброго дела, помогала узнавать военную историю страны, позволяла почувствовать себя хорошим человеком, не оставшимся равнодушным к погибшим в боях предкам. Кроме того, ему нравились леса, русская природа, походная жизнь в палатках, тёмные вечера у костров, пенье птиц и свежий воздух. Парень никогда не увлекался политикой, однако на

призыв помочь защите Большого Сенежского озера, на всю Россию славящегося первозданной чистотой своих прозрачных вод, сразу ответил согласием. Как всякий молодой человек 21 века, он умел обращаться с соцсетями и имел представление о том, как можно продвигать публичные встречи.

Придя домой, он создал страницу мероприятия, на всякий случай, зарегистрировав её на фейковый аккаунт, войдя в сеть анонимно через Tor. Он не считал, что делает что-то предосудительное и, тем не менее, будучи наслышан о судьбе многих своих соотечественников, осужденных за посты и комментарии, предпочёл перестраховаться от возможных неприятностей. Цитаты из статьи журналиста Михаила Аверьянова парень вставил в описание группы и добавил указание на дату, время и место митинга.

Следовало пропиарить страницу. Для этого Фёдор стал целенаправленно искать крупные группы, занимающиеся протестной и экологической проблематикой. Нужно было найти тех, кто на постоянной основе защищает природу от отрицательного воздействия человеческой деятельности и оппозиционеров, всегда готовых протестовать против всего плохого и за всё хорошее. Весь вечер Фёдор отправлял ссылки на страницу митинга админам групп и в предложку.

Новость о готовящейся акции против мусорного полигона моментально распространилась в сетях. После статьи Аверьянова экологи по всей стране уже били в набат, теперь эмоции могли найти выход в публичной акции протеста. Местные жители – полковник и коммунисты, запустили катализатор, приведший в действие большие массы людей из разных городов. Москвичи и жители области собирались приехать, акцию поддержали организации природозащитников и анархистов, сторонники Навального и русские националисты. В десятках, а то и в сотнях групп появились призывы приезжать на митинг, невзирая на расстояние.

Утром Фёдор включил компьютер, зашёл в своё фейковый аккаунт и сильно удивился, увидев три с лишним сотни личных

сообщений. Видя его данные в контактах мероприятия, активисты и журналисты закидали его вопросами по будущей акции, пытаюсь выяснить подробности запланированного. В группу за сутки вступило более тридцати тысяч человек. Это был настоящий успех!

Утром следующего дня Павлу Валентиновичу трижды позвонили по телефону. Первый звонок был от Владимира Алексеевича – начальника отдела по законности мэрии, в чьи обязанности входит согласование публичных мероприятий. Сухо, хотя и вежливо, чиновник сообщил об отказе в проведении митинга.

- Рассмотрев ваше уведомление мы пришли к выводу, что цели заявленного мероприятия противоречат российскому законодательству. Поэтому в согласовании вам отказано. И я вас официально предупреждаю об ответственности за проведение несогласованных уличных мероприятий. Всего хорошего.

Павел Валентинович не успел обдумать сложившееся положение, как телефон зазвонил снова. На этот раз это был прокурор города, тоже угрожавший карами за проведение митинга без разрешения.

Третий звонок поступил от Степана Петровича.

- Друг мой, - сказал старый коммунист. – К сожалению, наша партия не может поддержать такие сомнительные протесты.

- Сомнительные!?! – крикнул отставной полковник. – Вчера и позавчера ничего о сомнительности нашего митинга ты не говорил!

- Я вынужден подчиниться партийной дисциплине, пусть отчасти и поддерживаю тебя. Ты задумайся лучше над тем, что такой протест против действий власти враждебные силы могут использовать для дестабилизации политической обстановки. И это в момент, когда Россия вновь побеждает на Ближнем Востоке! Сейчас не время подтачивать единство государства! Вспомни, что произошло на Украине!

Павел Валентинович не видел никакого смысла в спорах с коммунистом и просто повесил трубку. Больно обожгло его внутри предательство человека, коего он считал своим другом, с которым бывало ходил в баню и приглашал на свои маленькие семейные праздники, допуская до своего дома. Перед полковником стояла простая и понятная цель – защитить озеро от строительства полигона и никакие политические соображения больше похожие на пропаганду хозяев кластера не стоили того, чтобы отказаться от неё. «Ну что ж, мы ещё поборемся!» – упрямо подумал старый военный. Он решил проводить митинг без согласования.

Мусорная революция в Подмоскowie: кто виноват и что делать?

В Подмоскowie местные жители выйдут на митинг против строительства на берегу Большого Сенежского озера экотехнопарка, а по факту – мусорного полигона. Власти отказали в согласовании мероприятия, но люди решили всё равно выходить. Как мусорная проблема стала фактором социального протеста.

*Михаил Аверьянов специально для «Современной газеты», 20**, №14.*

Ранее мы уже освещали ситуацию вокруг скандального строительства на берегу Большого Сенежского озера. Правительство Московской области запланировало возвести здесь «Сенежский экотехнопарк», называемый высокотехнологичным кластером по безопасной переработке и реализации отходов. В тоже время, по мнению независимых экологов, фактически это будет гигантский мусорный полигон, наносящий большой вред окружающей среде. Международная экологическая организация «Green World», изучающая проблемы воздействия человеческой деятельности на природу, провела независимую экспертизу,

результаты которой говорят о неизбежности серьёзного загрязнения атмосферы и сточных вод в ходе деятельности полигона, что в первую очередь приведёт к отравлению озера вредными веществами. Уже через год эксплуатации полигона, предупреждают природозащитники, озёрной экосистеме будет нанесён настолько значительный ущерб, что крупнейшая рекреационная зона области будет безвозвратно погублена.

Выводы экспертов «Green World» подтверждает академик РАН, доктор геологии Всеволод Михайлович Михайловский. «Территория строительства кластера входит в бассейновую систему озера, снабжающего питьевой водой город и десятки населённых пунктов вокруг с общим населением почти в сто тысяч человек. В данном месте в почве преобладает песок и практически отсутствует естественный глиняный затвор, препятствующий попаданию вредных веществ в грунтовые воды», - рассказал учёный журналисту «Современной газеты». – «Строительство экотехнопарка в санитарной зоне водоохраны – категорические недопустимо».

Представители местной и областной администрации дают иную оценку проекту, апеллируя к результатам заключения Росприроднадзора, установившего, что предусмотренная в экотехнопарке система обращения с отходами гарантирует максимальную безопасность для экологии. По словам чиновников, тенденциозная подача информации о «Сенежском экотехнопарке», исходящая от иностранных экологических организаций, свидетельствует о заказном характере антимусорных публикаций. В эскалации общественного напряжения вокруг проекта заинтересованы силы враждебные российскому суверенитету и развитию гражданского общества в нашей стране. На самом деле речь идёт о ликвидации старых свалок и переходе к инновационным технологиям обращения с мусором. К тому же реализация масштабного проекта благоприятно отразится на социальной среде в области, создаст новые высокооплачиваемые рабочие места, поможет заработать средства на обновление коммунальных и транспортных инфраструктур, на ремонт и строительство социальных объектов – школ, детских садов,

больниц и т.д. Технология обращения с мусором, применяемая в экотехнопарке, будет являться наиболее передовой и исключит вредное воздействие на окружающую среду.

Заявления чиновников расходятся с данными расследования «Современной газеты», опубликованными в прошлом номере. Изучив проектную документацию «Сенежского экотехнопарка», мы пришли к выводу, что планируемая система по прессовке мусора в брикеты и их складированию на территории кластера, при запланированном объёме в 1 млн тонн мусора в год приведёт к значительному загрязнению воздуха, почвы и воды, даже по официально указанным цифрам.

Тем не менее, местные жители, обеспокоенные строительством полигона, собрались в воскресенье провести митинг на Центральной городской площади, традиционно носящей имя Ленина. Дополнительным стимулом общественного недовольства послужили действия администрации во время слушаний, когда местных активистов просто не пустили в зал, якобы из-за отсутствия свободных мест. Сами активисты считают, что места были заняты специально привезёнными на автобусах мигрантами из Средней Азии и курсантами школы милиции. Несмотря на то, что митинг не был согласован в установленном законом порядке, организаторы не намерены отказываться от его проведения.

«Закон не знает понятия несанкционированного митинга, - рассказал «Современной газете» Павел Валентинович *** - военный историк, местный житель и организатор протестов. – Мы только уведомляем администрацию о его проведении, а она обязана либо мероприятие согласовать, либо предложить для его проведения другое место, если в указанном нами по каким-то причинам провести мероприятие невозможно. Но таких предложений от мэрии не поступило, а значит, их действия незаконны. Поэтому имеем полное право выйти на народный сход».

«Действия администрации вызывают у нас глубокое возмущение. Людям затыкают рот, не дают высказаться по поводу дела для нас, можно сказать, жизненно важного. Москвичам некуда девать свой мусор, но почему из-за этого должен гибнуть прекрасный уголок

Подмосковья, одно из немногих сохранившихся здесь экологически чистых мест?»

«Современная газета» продолжит следить за ситуацией вокруг строительства «Сенежского экотехнопарка» в Московской области.

Подготовка к воскресному митингу шла полным ходом. Социальные сети бурлили постами об экотехнопарке и протестной акции, многие СМИ, осознав актуальность темы, подключились к обсуждению проблемы, некоторые популярные блогеры выпустили передачи на тему мусорной катастрофы в Московской области. Многие годы в стране росло недовольство граждан, вызванное государственной политикой, состоянием экономики и социальной сферы, низким уровнем жизни, коррупцией и бюрократией, беспределом силовиков и чиновников. Ситуация вокруг мусорного полигона на берегу озера стала точкой объединения многих недовольных, принадлежащих порой к противоположным идеологическим лагерям или вовсе никак себя политически не идентифицирующих, но готовых бороться против властей, игнорирующих мнение людей.

Высокий уровень напряжения подогревали сами чиновники, выступавшие с хамскими заявлениями о протестующих, называвшие их «шелупонью», обвинявшие организаторов сопротивления в стремлении заработать на протестах политические очки. «Работать надо, а не протестовать» - таким был основной лейтмотив их заявлений. С их точки зрения, люди, принимающие участие в протестах против загрязнения окружающей среды – это дармоеды, которым нечем заняться или злонамеренные оппозиционеры, действующие под скрытым управлением Запада, желающего ослабить российское государство.

Стоял июнь. Старые деревья, растущие вдоль улиц города, застроенных преимущественно советскими пятиэтажными и

девятиэтажными домами, шелестели листьями в потоках тёплого воздуха. Фёдор прогуливался со сверстниками Ильёй, Глебом и Аней по центру. Как и он, друзья собирались прийти на митинг.

- А если нас задержат? – спросила Аня.

- Тогда я буду проситься, чтобы нас посадили в одну камеру, - отшутился Фёдор.

- Это только в Москве хватают на митингах и только там, где против Путина выступают, - заметил Илья. – А у тебя, Аня, отец полицейский, чего тебе бояться? – Анин папа и вправду служил в уголовном розыске в звании майора.

Друзьям не верилось, что в их тихом провинциальном городке полиция может проявить жестокость по отношению к жителям, вышедшим на улицу, чтобы защитить любимое озеро.

Павел Валентинович тоже не верил в силовой разгон митинга. Не экстремисты же с запрещённой символикой выйдут на площадь, а местные простые люди, да ещё и по столь важному для всех поводу. Ему даже казалось, что отказ в согласовании акции вызван исключительно опасениями мэрии перед областным начальством, продвигающим строительство, сами же местные чиновники морально должны поддерживать протесты. «Ведь все же здесь живём. Все мы дышим этим воздухом и купаемся в этом озере», - наивно думал отставной полковник.

В воскресенье Павел Валентинович встал рано поутру. Тщательно умылся и побрился, позавтракал, надел выцветший мундир с медалями (боевых наград у него не было, только медали за отличие в воинской службе), поцеловал и обнял любимую жену Зинаиду Петровну и вышел на улицу. Прямо у подъезда был припаркован полицейский «козелок», и наряд стоял у дверей.

- Здравствуйте, Павел Валентинович. Капитан полиции Арсентьев Иван Александрович, - представился старший группы. - Прошу проехать с нами в отдел.

Полковник вздумал было ругаться, но его обступили со всех сторон и, взяв под руки, силком посадили в автомобиль. В отделе на него оформили протокол за «нецензурную брань в общественном месте» и посадили в камеру. Вышел на свободу он только вечером.

Площадь Ленина представляла собой просторный прямоугольник, вымощенный бетонными плитами, с двух сторон ограниченный куцыми тополиными аллеями и асфальтированными проездами за ними. За левым проездом находился старинный собор, когда-то полуразрушенный и превращённый в склад, теперь же возвращённый Церкви и постепенно восстанавливаемый, за правым – городской парк. Вход на площадь начинался прямо с одноимённого проспекта, а на противоположной стороне стояло большое недавно отремонтированное здание мэрии. Посередине возвышался типовой советский памятник вождю международного пролетариата, а рядом с ним были установлены две приземистые квадратные железобетонные тумбы с растущими в них красными тюльпанами.

Вероятно, никогда ранее в городе не наблюдалось скопления такого количества сотрудников различных правоохранительных органов. Очевидно, местные силовики запросили помощь у Москвы, и она им была оказана. Весь правый проезд заполнили автобусы, автозаки и полицейские автомобили. На проспекте можно было увидеть утыканные мощными антеннами микроавтобусы спецслужб, предназначенные для подавления радиосигналов, громадные грузовики ФСИН для перевозки заключённых, оснащённые мигалками автомобили Следственного комитета, Росгвардии, ОМОНа и ГИБДД. Присутствовал даже

новенький броневедомобиль спецназа ФСБ «Каратель» - жутковатая бронированная красно-чёрная машина на больших высоких колёсах. Здание мэрии оказалось заставленным двумя рядами плотно друг к другу припаркованных автомашин городских служб, а впереди импровизированную баррикаду защищали тройной ряд «космонавтов» - бойцов спецназа со щитами, палками и в глухих шлемах. По периметру площадь оцепили росгвардейцы и простые полицейские. Омоновцы сгруппировались у своих автобусов, дожидаясь команд.

Но и митингующих собралось столько, сколько давно уже не видела эта площадь. Люди полностью заполнили пространство, оцеплённое правоохранителями. Две, а то и три тысячи местных жителей пришли сюда плюс добрая тысяча приезжих активистов – для провинциального городка огромное число людей.

Многие протестующие держали в руках самодельные плакаты: «Сохраним озеро!», «Я против свалки!», «Нам не нужен московский мусор», «Чиновник – повернись лицом к природе!», «Нет мусорному полигону!», «Озеру – да! Свалке – нет!», «Остановим экологический терроризм!», «Свалка рядом с городом – гибель для всех» и др.

На входе на площадь стояли полицейские с громкоговорителями, через которые непрерывно транслировалась запись предупреждения: «Данное мероприятие не согласовано в соответствии с законодательством. Вы нарушаете общественный порядок. Просим вас расходиться. В противном случае к вам может быть применена физическая сила и спецсредства. Вы можете быть задержаны и привлечены к административной или к уголовной ответственности. Будьте благоразумны, расходитесь. Данное мероприятие не согласовано в соответствии с законодательством...»

Задержания начались сразу с 15:00. Группы из 8-10 полицейских набрасывались на отдельных митингующих, хватали их за руки и за ноги и утаскивали в направлении автобусов. На первом этапе арестовывали в основном только людей с плакатами либо тех, кто активно скандировал лозунги и речёвки.

Действия полиции вызвали всеобщее возмущение собравшихся. Крики «Позор! Позор! Позор! Позор! Позор!» разнеслись над площадью. Когда космонавты схватили женщину с плакатом «Мусор Земле не к лицу» ей на помощь поспешил мужчина, как выяснилось её муж.

- Отпустите мою жену! – дико закричал он, вцепившись в её руку, не давая полицейским увести её.

- Что это за безобразие! Отпустите женщину! – поддержала мужчину толпа.

- Полицейское государство!

- Нелюди!

Люди обступили полицейских, препятствуя им. Тогда правоохранители пустили в ход резиновые дубинки. Прорываясь, били протестующих по головам, по туловищу, по рукам. Брызнула первая кровь.

С этого момента тактика полиции изменилась. Омоновцы выстроились в шеренгу, и резво работая палками, стали медленно теснить толпу. Началось жёсткое избиение митингующих.

Возникла давка. Тысячи людей заметались в ловушке меж двух рядов экзекуторов с дубинками. Некоторые пытались сопротивляться, били изо всех сил ногами по металлическим щитам, отталкивали космонавтов руками, но будучи безоружными, не были способны эффективно противостоять нападавшим. Люди падали с разбитыми головами, омоновцы переступали через лежащие тела и как только они оказывались внутри строя, четыре-пять полицейских кидались со всех сторон на лежащих, добивали их дубинками и утаскивали в автозаки.

Одной женщине сломали нос и разбили лицо, и вся в крови она стояла посреди толпы на коленях и жалобно плакала и слёзы, смешанные с кровью, стекали по её лицу, пока космонавты не заломали ей руки и не уволокли.

Другого мужчину после задержания заковали в наручники и кинули на тротуар так, что его ноги опёрлись на поребрик, и дюжий спецназовец, надавив ботинком, играючи сломал их.

С трёх сторон площадь оказалась полностью перекрыта полицейскими, бьющими и хватающими людей, поэтому несчастные хлынули влево к забору, ограждающему храм. Перебежав дорогу, они бросились к калитке, им по следам бежали космонавты, размахивающие палками.

Настоятель отец Василий шёл по храму, по-хозяйски осматривая его. Всего два года назад собор Ильи Пророка, построенный ещё в 18 веке, представлял собой руинизированное здание с обвалившимися стенами и провалившейся крышей. Сейчас трудами общины и настоятеля удалось привести храм в божеский вид. Настелены новые полы, починена кровля, вставлены окна, почти завершены внутренние и внешние штукатурные работы, восстановлен иконостас. Рядом разбили цветник, установили маленький фонтанчик и скамейки. Но главное это то, что в процессе ремонта храма маленькая приходская община сплотилась теснее, а в людях пробуждалось лучшее. Появился любительский хор, проводились воскресные занятия с детьми. При храме открыли пункт сбора одежды для бедных и неимущих семей. Возрождалась активная приходская жизнь. Да, многое ещё предстоит и всё же многое уже сделано. От мыслей о будущем настоятеля отвлек шум с улицы.

Отец Василий вышел на крыльцо храма, и его глазам открылась жестокая картина. Слева от площади имени поганого злодея, где стоял его мерзкий истукан, бежал народ, преследуемый людьми в чёрной форме и шлемах. Настоятель увидел, как одного молодого парня настигли двое космонавтов прямо посреди улицы и как его избивали палками, хотя он не сопротивлялся и был безоружен. Преследуемые не могли преодолеть заграждение собора, и полицейские повсюду хватали и били их. Два десятка человек прорвались через калитку, но за ними по пятам бежали космонавты в чёрных шлемах, в которых не было видно лиц.

Что-то сдвинулось в душе и священник, подняв руки, крикнул несчастным: «Сюда! Бегите сюда!» и раскрыл перед ними двери храма. Преследуемые укрылись в соборе, а отец Василий остался на крыльце и, воздев руки, и грозно сдвинув брови, встал на пути у преследователей.

- Прочь, слуги дьявола! Я говорю, прочь!

Полицейские не решились войти в храм и ретировались.

Схвачено было столько людей, что местный отдел не мог вместить и десятую их часть. Поэтому задержанных часами держали в автобусах, кого-то увезли в соседние города, часть (в основном несовершеннолетних) отпустили. Жаловавшихся на состояние здоровья, травмированных долго игнорировали, но ближе к ночи начальство разрешило допускать к ним бригады скорой помощи и многих госпитализировали. Вызванные в воскресный день судьи до самого утра выносили решения. За нарушение порядка проведения публичного мероприятия и неповиновение законным требованиям сотрудников полиции присуждали штрафы, а в особых случаях до 15 суток административного ареста.

Оказалась в отделе и пожилая работница краеведческого музея Антонина Макарьевна, с первых дней принимавшая участие в экологических протестах. Здесь она повстречала своего молодого соседа-полицейского Ивана, бывшего в тот день дежурным.

- Ваня, ну что же такое творится? – грустно сказала она ему, он же в ответ промолчал.

- Ваня, ты что, не узнаёшь меня? Это я, Антонина Макарьевна со второго этажа!

- Не знаю я кто ты, - грубо ответил полицейский. – Мои соседи по митингам не шастают, экстремизмом не занимаются! Тебя видать

американцы подкупили бунтовать против власти, не знаю я теперь тебя!

- Что ж ты такое говоришь, - сокрушённо произнесла женщина. – Мы же за наше озеро вышли, причём тут американцы? Наша природа страдает!

- А кто спонсоры митингов этих и зачем они вообще нужны? Если велено построить, то решат без вас, а вы только воду мутите.

Ошарашенная Антонина Макарьевна только покачала головой.

Фёдор с другом Глебом по счастью сумел спастись от преследователей в храме, получив на площади лишь несколько ударов дубинкой. Отец Василий вывел друзей через чёрный ход на берег озера, и они вырвались из капкана. А вот их общим друзьям Илье и Ане повезло куда меньше – космонавты избили парня до потери сознания, и он оказался в больнице, а девушке разбили голову, и она теперь лежала в соседнем женском отделении.

На следующий день, собравшись в палате вокруг койки, на которой лежала бледная Аня, они тихо переговаривались, ещё не отойдя от шока прошлого дня.

- Ненавижу ментов! – сказала Аня.

- А своего отца? – уточнил Глеб.

- Он другой! Он в уголовном розыске преступников ловит, а не людей на митингах, - возразила девушка. – Я вообще государство ненавижу, власть, чиновников.

- Согласен, - поддержал её Фёдор. – Полиция просто выполняет приказы, а вот те, кто их отдаёт – настоящие государственные бандиты.

- Да, ребята, - поддержал Илья – его голова, как и у Ани, была обмотана широким белым бинтом. – Раньше я на такую тему и

разговаривать бы не стал, а сейчас меня от злости всего просто крутит. Так нельзя с людьми обращаться, это же чистый тоталитаризм!

- Тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый, - подтвердила Аня. Ребята книгу тоже читали и согласились с подругой.

- И что же теперь? - спросил Фёдор. – Будем жить как раньше, будто ничего и не происходило?

- Ну уж нет, - сказала Аня. – Надо бороться за свои права!

- Как бороться? – усмехнулся Глеб. – Может, в суд на государство подадим? Дескать, ваши полицейские нас неправильно избили, извинитесь теперь перед нами и выплатите компенсацию.

- Обращаться в суд бессмысленно, он же им самим принадлежит, - рассудительно сказал Фёдор. – Суды - это часть системы. Нужно пропаганду нести, агитировать. Надо рассказывать всем о том, что вчера произошло, чтобы люди узнали, чтобы у них глаза открылись. Если люди поймут, что власть нас ни во что не ставит, то тогда случится революция.

- Агитировать? Листовки печатать? – не понял Глеб.

- Листовки - это методы девятнадцатого века, - пояснил Фёдор. – Нам надо идти в интернет. И знаете ребята, я уже кое-что сделал. Я же группу создавал для митинга. Теперь в ней больше пятидесяти тысяч подписчиков, и она полностью моя. Я вчера написал пост про разгон, про ментовской беспредел и буду и дальше писать. Пусть все узнают, какие во власти у нас мудаки и как они на беззащитных людей натравливают омоновских псов.

- А тебя не вычислят? – забеспокоился Илья.

- Нет, я же с левого аккаунта.

- Хакер, - улыбнулась Аня. – Это группа «За озеро!»?

- Нет, я поменял название, - Фёдор выдержал эффектную, как ему казалось паузу. – «Свободная Россия», так теперь называется. Сам придумал.

- Свободная Россия, - повторила Аня, смакуя слова. – Нормуль.
- Будете мне помогать? Нужно мемасики придумывать, посты новые писать. В общем, вести группу, чтобы было больше подписчиков, лайков и репостов.
- Конечно, - произнёс Илья, а Глеб с Аней утвердительно кивнули.
- Свободная Россия – это теперь наш моб!
- Наша банда, - мило улыбнулась Аня. – Теперь Путину конец. – Друзья рассмеялись.

В загородном доме мэра гудел праздник. Сегодня здесь собрались все самые важные люди в городе: начальник полиции, прокурор, председатель суда, начальник Следственного комитета, первый заместитель мэра, глава городского собрания депутатов. Мужчины уже хорошенько попарились в баньке, а сейчас между заходами выпивали прекрасное французское вино, закусывали и обсуждали последние новости. Только человек ничего не понимающий в психологии российского правящего класса может думать, что после подобных случившемся на площади проявлений жестокости у их виновников может появиться чувство сожаления. Напротив, мэр и его окружение рассматривали разгон протестующих, как свою крупную победу и находились в приподнятом настроении. Дескать, захотели экологи их прогнуть и заставить отказаться от выгодного дела, а они им в ответ дали по рогам, да так что искры засверкали. И правильно сделали! Будут, нищоброды, знать, как на власть залупаться! Не для того чиновники тут поставлены, чтобы всякая подзаборная рвань высовывалась и выступала.

Мэр хотя и считался формально избранным жителями, но фактически являлся назначенцем губернатора, внёсшего его три года назад в кандидаты от правящей партии и задействовавшего административный ресурс для избрания. Он был частью команды губернатора и потому ничего не боялся. Однако за членство в этом

элитном клубе приходилось платить очень высокую цену. Каждый месяц его помощник тайно переводил помощнику губернатора такую сумму, какую простой житель города со своей средней 25-тысячной зарплатой едва мог бы заработать за 50 лет, не тратя к тому же ни копейки на еду и прочие расходы. Приходилось постоянно измышлять новые источники доходов, и жёстко поддерживать чёткую властную вертикаль. От каждого отката и распила законная доля должна была поступать мэру, за этим он следил максимально строго, а оступившихся примерно наказывал. Прошли времена бандитизма, когда криминал мог влиять на власть, теперь всё решали чиновники, и не было силы страшнее и опаснее, чем они. Строительство экотехнопарка сулило немалые бонусы, большие возможности для обогащения, поэтому для мэра вопрос являлся принципиальным. И, разумеется, решение о возведении мусорного полигона принималось высоко наверху, и мэр в любом случае обязан был выполнять высшие указания, и не мог подрывать вертикаль власти. «Показать свою нелояльность начальству – значит подписать себе смертный приговор», - понимал он и думал только о том, как в корне задавить опасные протесты. Для этого у него были все инструменты – полиция, суд, прокуратура, и кроме того тайные не менее действенные рычаги давления на любого, кто осмелился перейти ему дорогу. «Ни в чём нельзя давать слабину нижестоящему населению, иначе сожрут с потрохами!» – таково было жизненного кредо городского главы и чиновник неукоснительно следовал ему. Однако же он понимал, что каждый метод хорош только в отдельном случае и может не подходить в другом.

Затронули вопрос дальнейшей расправы над активистами. Начальник следствия предложил открыть на полковника уголовное дело и сгноить его в тюрьме.

- Э нет, нельзя этого делать! – возразил красный как рак мэр, укутанный в белую простыню. – Не будем делать мученика идеи и раздувать скандал. Павел Валентинович в нашем городе человек известный и люди знают его с хорошей стороны.

- Но и прощать нельзя, - вмешался прокурор – толстый низенький человечек с маленькими глазами. – Нужно наказать обязательно.

- Накажем, конечно. Экономически, - сказал мэр. – Доведём его до такого финансового состояния, что он сам раскается в том, что затеял. Сейчас главная ваша задача – локализовать очаги протеста, чтобы зараза не расползлась дальше. Полиции и прокуратуре – провести профилактическую работу с нарушителями, вынести предостережения о недопустимости противоправных действий. Следственному комитету – активнее противодействовать экстремизму, особенно радикальным молодёжным сообществам. Работникам мэрии вести общественную работу, лучше разъяснять преимущества, которые получит город благодаря кластеру. Суду – показательно жёстко наказывать экстремистов. В общем, работать сейчас надо с полной отдачей, без филонства. Давайте! – Мужчины подняли бокалы и выпили.

- Сложно заниматься профилактикой, когда московская пресса выступает на стороне смутьянов, - отставив пустой бокал, высказал своё мнение начальник полиции – представительный мужчина с посеребрёнными сединой висками.

- Ничего, найдём и на них управу, дай время, - отмахнулся мэр. – Ты, Константин Сергеевич, главное на своём участке показывай результат. С молодёжью проводи работу. Инспекцию по делам несовершеннолетних задействуй, отдел по борьбе с экстремизмом, уголовный розыск, наконец. Пусть пробьют этих по всем ориентировкам, обыски проведут – дома, на рабочем месте, с работодателями беседы нужно провести. Чтобы серьёзно вздрогнули и в следующий раз хорошенько подумали: стоит ли оно того?

- Петров, выходи к доске! Выходи на середину класса, чтобы все тебя видели! – Учительница вызвала шуплого девятиклассника в

обтягивающих спортивных штанах, кроссовках New Balance и сером худи с капюшоном.

- Ты, Петров, хуже фашиста, ты опозорил светлое имя нашей школы. Ты жизнь свою испортил, дурачок.

- Не надо обзывать Людмила Васильевна!

- Молчи! Мне виднее, нет у тебя ещё жизненного опыта, не можешь ты ничего понять. Вас юных идиотиков взрослые дяди баламутят ради своей выгоды, а вы ведётесь. Ты о родителях подумал? Где они работают? – пожилая учительница на повышенных тонах отчитывала ученика.

- Мать в больнице санитарка, отец водитель автобуса.

- Вот! А ты понимаешь, что такое для бюджетника, если ребёнок попал в чёрный список?

- Какой список?

- Такой! Скоро узнаешь! Ты теперь всю жизнь на учёте будешь как экстремист. Зачем ты пошёл на запрещённый митинг? Чего моча в голову ударила? – Лицо Людмилы Васильевны покрылось красным пятнами.

- Не надо оскорблять! – школьник упрямо мотнул головой.

- Молчи. Телевизор надо больше смотреть, первый канал, а не интернет эти. Взрослые оппозиционеры, работающие на Запад, вмешивают детей в политику, как настоящие фашисты. Выходите против власти, словно враги народа. Да в советское время вас бы к стенке поставили за такие сборища! А сейчас что? Идёт целенаправленная война против Российской Федерации! Через интернет с территории Украины вербуют в террористические организации! А вы как стадо идёте туда, не зная куда. Тупорылые, не суйте харю в политику!

Класс возмущённо загудел. Слова пожилой учительницы ученики восприняли как личное оскорбление. С задней парты один из школьников незаметно снимал происходящее на мобильный

телефон. Разошедшаяся Людмила Васильевна никак не успокаивалась.

- Что вы знаете вообще про экологию? Это иностранцы вам сказали, что вреден полигон. А вы как пятая колонная верите потенциальному врагу. Я бы тех, кто митингует, в психбольницу заперала. Пожизненно! Потому что вы неспособны отличить правду от американской пропаганды.

- Это у вас на первом канале пропаганда! – раздался голос из глубины класса.

- Поговори мне! Кто там смелый такой выискался? По уставу школы всех вас сейчас можно попросить на выход. А? Кто-то хочет быть исключённым с жёлтым билетом? – Лариса Васильевна старалась запугать детей, но это слабо получалось.

- А вы что знаете про экологию? Мусорный полигон отравит наше озеро! – наконец высказался Петров.

- Не твоего ума дело! Ты несовершеннолетний и не имеешь права участвовать в несанкционированных митингах. Тебя исключат из школы, потом не примут в институт и вообще никуда не примут. Ты не сможешь найти работу и станешь бомжом!

- А если не стану? Почему вы меня перед всем классом выставяете дауном из-за того, что я один раз сходил на митинг в защиту озера? Кто вообще дал вам право нас оскорблять? А про 31 статью Конституции вы слышали?

- Я честно выполняю свою работу. А твоя работа – учиться, а не шляться, где не надо. Чего ты хочешь добиться? Чтобы было как на Украине?

Ещё целый месяц после митинга те, кто был задержан или засветился, ощущали на себе неприятные последствия. Тем, кого не осудили сразу, приходили повестки в суд и по всем делам

выносились обвинительные решения, назначались крупные штрафы и административные аресты. Суды при этом проявляли традиционную гуманность: многодетным назначались только сутки, а матерям с малолетними детьми - штрафы. По домам ходили участковые, брали объяснения. Несовершеннолетних поголовно вызывали в инспекцию и ставили на учёт. Школьников ругали классные руководители, но хуже всего пришлось студентам – некоторых отчислили.

Многие участники митинга получали повестки и из прокуратуры, с угрозами привлечения к ответственности в случае неявки. Почти все приходили по вызовам и выслушивали предостережения о недопустимости экстремистской деятельности и нарушения законодательства, давали обязательства, в которых обещали ничего подобного больше никогда не совершать.

Хуже всего пришлось тем, кому довелось столкнуться с сотрудниками отдела по борьбе с экстремизмом. Эти не церемонились, вламывались в дома, выбивали кувалдами двери, ложили всех лицом в пол – и женщин и детей, изымали компьютеры и мобильники, не стеснялись копаться в нижнем белье и личных вещах. Почти все, у кого проводили обыск на рабочем месте, лишились работы. Работодатели откровенно боялись лишних проблем и поступали по принципу чеховского «человека в футляре»: «как бы чего не вышло».

Павел Валентинович однажды обнаружил в почтовом ящике уведомление о заказном письме, а придя в отделение связи, получил их сразу четыре. В каждом находилась копия поступившего в суд искового заявления. Ресторан «Долина», находящийся в ста пятидесяти метрах от площади, посчитал убытки от митинга в виде недополученных доходов из-за полицейского оцепления и потребовал их возмещения от полковника. Автобусный парк потребовал деньги за простой техники, использованной при заграждении здания мэрии от митингующих. Полицейские и росгвардейцы – деньги за внеурочную службу сотен сотрудников и израсходованный бензин для десятков автомобилей.

Общая исковая сумма составила три миллиона рублей. Суд быстро встал на сторону истцов и постановил возместить ущерб в полной мере, однако у Павла Валентиновича такой суммы не оказалось. Скоро в дверь к нему постучались судебные приставы.

Два года назад, когда ребятам было только по шестнадцать, с ними приключилась история, крепко сплотившая их и сделавшая настоящими друзьями. Надо заметить, что Илья, Глеб и Фёдор были одноклассниками и частенько прогуливались вместе после уроков, обмениваясь новостями и подшучивая друг над другом. Аня же жила в одном дворе с Фёдором, но раньше они были мало знакомы.

Однажды парни шли по двору и увидели, как у скамеек молодой кавказец грубо хватает Аню, а она пытается вырваться и осыпает его пощёчинами. Это был Русланчик – сын азербайджанского авторитетного предпринимателя, контролировавшего с группой соплеменников городской рынок. Их ровесник Русланчик выглядел немного старше, был сильнее и хитрее. Он быстро завоевал беспрекословный авторитет во дворе, к кому-то входя в доверие, с кем-то затевая заведомо выигранные конфликты. Природная хитрость, физическая сила и материальная обеспеченность помогли ему подняться на лидирующие позиции в местной тусовке. Сколотив компанию прихлебателей и подельников, кавказец стал наводить свои порядки, нарушая существовавшие нормы. Одной из жертв Русланчика стала Аня – стройная красивая девушка с синими глазами и длинной русой косой, избегавшая грубых ухаживаний кавказца.

В тот раз дошло до рукоприкладства – заросший чёрной щетиной мигрант схватил идущую домой Аню за руку и стал насильно

прижимать к себе, девушка же изо всех сил вырывалась. Увидев происходящее, Фёдор не мог не вмешаться.

- Отпусти! Что творишь? – крикнул он, а Русланчик в ответ только ощерился.

- Она моя, моё дело, - произнёс сквозь зубы азербайджанец.

- Никакая я не твоя и твоей никогда не буду! - закричала Аня и расплакалась.

- Девушка сказала, что она не твоя. Отпусти!

Русланчик внезапно выпустил Аню и одновременно атаковал Фёдора, ударив его кулаком по лицу. Фёдор ответил левым хуком и началась драка.

Фёдор с четырнадцати лет занимался боксом и, хотя пока не достиг больших успехов, но всё же защитить себя мог. Правда в шестнадцать лет его вес составлял не больше шестидесяти килограммов, а кавказец был намного плотнее. Неизвестно чем закончилась бы эта драка, если бы соперники бились один на один, однако в схватку подло вмешались тусившие рядом кореша азербайджанца. Один из них сделал Фёдору подсечку, а второй сразу же ударил ногой. Поединок превратился в избиение лежащего, и всё закончилось бы плохо, если бы Илья с Глебом, до этого стоявшие в стороне, не заступились за товарища.

Драться стенка на стенку подвыпившие дружки кавказца в тот раз не стали, только осыпали друзей матершиной, позволили Фёдору подняться и уйти вместе с девушкой. Однако с этого момента между ними началась настоящая война, продолжавшаяся несколько месяцев. К чести Русланчика Аню он больше не трогал, переключившись полностью на Фёдора и его друзей. Теперь парню бывало сложно порой дойти до дома, не столкнувшись с агрессивной компанией. Как только он возвращался домой в одиночку, то всегда мог ожидать нападения. Каждый раз он давал отпор, но сложно было справиться сразу с несколькими противниками и его пару раз сильно поколотили.

Глебу и Илье тоже доставалось – Русланчик с дружками подкарауливал их по одному у школы и избивал. Если бы не Фёдор, всегда твёрдый и решительный, готовый сражаться, не взирая на превосходство противника, то друзья могли бы впасть в уныние и отдаться на милость победителя, чего кавказец и добивался. В чёрно-белом восприятии молодого мигранта весь мир делился на людей, выражающих ему покорность и на врагов, которых следовало физически победить и психологически сломать.

Понимая, что бессмысленно надеяться на то, что Русланчик просто про него забудет, Фёдор решил сам напасть на преследователя и убедил в необходимости этого друзей. Аня всячески его отговаривала, предлагала обратиться за помощью к отцу-полицейскому, вот только после всего произошедшего Фёдор уже сам не мог погасить в себе бурные эмоции в отношении недруга. В нём окрепло стремление добиться справедливости, сокрушив подлого врага. Ведь если вчера он так гнусно поступал по отношению к Ане и друзьям, то завтра его жертвами станут другие девушки и парни. Нужно было во что бы то ни стало остановить гада.

В дворовой компании Русланчика на скамейках, где вечно пили пиво, плевались и лызгали семечки, всегда было не меньшее пять человек, поэтому драться голыми руками не имело смысла. В спортивном магазине Фёдор купил три деревянные бейсбольные биты, вооружился сам и вооружил друзей, запланировал операцию. По замыслу нужно было незаметным путём подкрасться к дружкам Русланчика и стремительно атаковать их, используя эффект неожиданности и лучшее вооружение. Конечно, у хулиганов могли оказаться ножи, а то и травматические пистолеты, однако Фёдор надеялся на то, что внезапность нападения не оставит врагам времени для организованного отпора.

Так и вышло. Когда из-за кустов внезапно выскочили трое парней с битами и стали от души лупцевать хулиганов, половина из них сразу разбежалась, а трое оставшихся упали на землю, прикрывая лицо руками. Там был и Русланчик, после пятёрки крепких ударов по голове и корпусу, мигом потерявший всю агрессивность и

высокомерие, думавший только о том, чтобы его перестали бить. Друзья не стали сильно избивать недруга, оставив его лежащим в грязи в унижительной для главаря позе.

Победа в схватке ещё не означала победы в войне – молодой мигрант, придя в себя и осознав создавшееся положение вещей, мог решиться восстановить свой попраный авторитет с помощью новых агрессий. Но спустя несколько дней Русланчика арестовали, а через два месяца приговорили к пяти годам воспитательной колонии. Говорили, что он ограбил с ножом сына прокурора, забрав у него последнюю модель айфона, и здесь не смогла помочь и азербайджанская диаспора, а суд был максимально суров.

«Мусорный спрут»: коррупция и нарушение прав человека в Подмосковье

Строительство экотехнопарка в Московской области привело к несанкционированному митингу и к его разгону. Кадры с задержаниями российских борцов за экологию облетели весь мир. «Главная причина непримиримой позиции городского руководства к проекту – это коррупционный интерес», - считает нештатный корреспондент «Современной газеты» Михаил Аверьянов и готов это доказывать с помощью документов и цифр.

В прошлое воскресенье местные жители вышли на массовый митинг протеста, не согласованный с мэрией города. К сожалению, чиновники в этот раз решили пойти на конфронтацию с горожанами, переживающими за возможное загрязнение природы. Произошли массовые задержания с применением спецсредств. Полиция сообщает о препровождении в отделы полиции 115 нарушителей. По информации «Современной газеты», не менее двенадцати человек после митинга обратились за медицинской помощью.

«На действия провокаторов, прикрывающихся экологической повесткой с целью нарушения общественного порядка и совершения правонарушений, полиция отреагировала максимально адекватно и в полном соответствии с законом», - следует из заявления областного полицейского главка. Однако кадры, размещённые ведущими мировыми СМИ, позволили говорить о массовых нарушениях прав человека, допущенных российской полицией.

Ранее в материалах «Современной газеты» мы уже подробно разбирали все «за» и «против», связанные с вероятным ущербом, который получит природная среда в результате работы кластера. Пришло время рассмотреть и финансово-экономическую составляющую проекта. Мы проанализировали все договора заключённые в рамках строительства и обнаружили свидетельства причастности мэра города к ряду фирм-однодневок, которые должны поставить оборудование, возвести временный городок рабочих и обеспечивать охрану объектов, а в дальнейшем обслуживать кластер. Десяток ООО имеют общий юридический адрес, зарегистрированный по месту жительства жены помощника мэра. Это позволяет предположить, что настоящим собственником однодневок, внезапно выигравших тендеры, является сам мэр. Их чистая прибыль составит почти сотни миллионов рублей и это только маленькая часть видимого айсберга. В реальности речь может идти о миллиардах.

Согласно данным американского проекта по расследованию организованной преступности и коррупции OCCRP, исследовавшего 150 000 адресов и 80 000 фамилий, мэр города, лоббирующий возведение экотехнопарка, является резидентом эмирата Дубай и владельцем элитной недвижимости стоимостью более десяти миллионов евро. Откуда у чиновника с официальной зарплатой шестьдесят тысяч рублей эта фешенебельная собственность – вопрос к правоохранительным органам.

Штрих к картине. Закрытая экономическая политика эмирата Дубай способствует его популярности среди лиц, укрывающихся от уплаты налогов и «отмывающих» грязные преступные деньги.

Криминальные лидеры выбирают Дубай из-за его закрытости от международного контроля.

В этом свете становится понятна мотивация городского руководства занявшего непримиримую позицию в отношении экологических протестов. Проект экотехнопарка является важным не только для стратегического решения мусорной проблемы Москвы, но и служит кормушкой для разного ранга чиновников, «осваивающих» немалые бюджеты строительства.

«Современная газета» ожидает по указанным фактам комментарии Следственного комитета и генеральной прокуратуры РФ.

Мэр как было уже сказано ни прокуратуры, ни следователей не боялся. Вся его противозаконная деятельность была встроена в высшую внутреннюю систему государственного управления. Однако психология высокопоставленного чиновника, мало отличающаяся от бандитской, требовала дать на предъяву жёсткую ответку. Поэтому мэр договорился о встрече с Фарухом Магомедовичем - председателем Национально-культурной автономии народов Северного Кавказа. Глава диаспоры, связанный с мэром сотнями общих интересов, был способен решать самый широкий спектр различных вопросов.

Встречу провели в VIP-зале ресторана «Долина», принадлежащего диаспоре. Это был приятный бонус от сотрудничества мэра с этническими группировками – в этом ресторане у него всегда был открыт не требующий погашения счёт. Вообще диаспоре в городе многое принадлежало – начиная от пунктов сбора металлолома и гигантского овощного рынка до многих кафе, ресторанов и уличной сети восточного фастфуда. В невидимой глубине протекали и наркоденьги, и доходы от разного криминала, от угона элитных автомобилей, от торговли «живым товаром» - женщинами и рабами, и от прочего, и всюду мэр имел долю, а в случае

необходимости покрывал грехи своих подопечных. В ответ он всегда мог рассчитывать на поддержку диаспоры в сложных ситуациях.

Фарух Магомедович – немолодой мужчина благообразной наружности, одетый в джинсы, пиджак и востроносые туфли - радостно поприветствовал дорогого гостя, демонстрируя радушие, якобы безмерно переполняющее его. Не было его совершенней в искусстве восточной лести, в умении налаживания контакта с нужными собеседниками, в проведении неформальных переговоров, никто не мог лучше него произнести тост или подарить подарок, и потому он и занимал важный пост посредника между чиновниками и диаспорой, предусматривающий необходимость постоянной коммуникации с мэром.

- Здравствуйте, дорогой! – Фарух Магомедович обеими руками легко обнял мэра и усадил его в большое мягкое кресло у стола. – Как ваши дела? Как семья? Как работа?

- Было бы намного лучше, если бы люди вели себя подобающим образом! – ответил чиновник, бывший, мягко говоря, не в духе после прочтения статьи в «Современной газете».

- Да, жизнь не без проблем. Но если я могу помочь уважаемому мэру, то всегда сделаю всё, что в моих силах, - Фарух говорил по-русски свободно, когда-то ещё в СССР он окончил высшее военное училище в Москве. – Рассказывайте, уважаемый, что тревожит вас.

Чиновник показал главе НКА газету и объяснил положение вещей.

- Плохо они поступают, очень плохо, - согласился Фарух. – Зачем так делают? Всевышний их разума лишил.

Кавказец как раз собирался проводить переговоры с мэром относительно одного земельного участка в центре города, где к общей выгоде можно было построить новый торговый центр, и вот появилась возможность сделать друг другу взаимные услуги. Очень хорошо.

- Писака этот, что не уважает хороших людей, заслужил наказание. Думаете, ему лучше от стыда исчезнуть? – спросил он у чиновника.

- Нет, - отхлебнув глоточек ароматного зелёного чая и успокоившись, ответил мэр. – Но хочется, чтобы он весь остаток своей бесполезной жизни помнил о том, какую совершил непростительную ошибку.

- Согласен. Нельзя обижать хороших людей. За такое нужно примерно наказывать. Только суд может установить, что те или иные события действительно имели место, а без судебных решений вся эта писанина, - Фарух указал рукой на газету, - это оскорбление чести и достоинства. Вы могли бы пойти и юридическим путём.

- Мог бы, - согласился мэр. - Но суды и без того перегружены. Да и что возьмёшь с нищebroда? Мне хочется, чтобы он по-настоящему всё осознал. На всю оставшуюся жизнь!

- Уверен, что так и будет, - мягко улыбнулся Фарух. Пришло время обсудить вопросы по земельному участку и прийти к общему согласию.

Паблик «Свободная Россия» процветал. Десятки постов получили тысячи репостов и десятки тысяч лайков. Фёдор с друзьями писали небольшие тексты на экологическую тему, отыскивая в интернете интересную информацию и смешные картинки, сопровождая их неизменным юмором. Они высмеивали чиновников, вновь и вновь вспоминали о беспредельном разгоне мирного митинга, ретранслировали доводы против строительства мусорного полигона. Конечно, материалы группы несли политический характер, потому что нельзя было уйти от политики, затрагивая тему экотехнопарка.

К владельцам группы стали часто обращаться за интервью. В основном вопросы присылали такие же независимые группы из сети, однако «Свободной Россией» начинали интересоваться и настоящие большие СМИ. На всякий случай ребята начали дублировать материалы паблика в одноимённом телеграм-канале.

Стали поступать и просьбы о вступлении в организацию. Иногородним Фёдор сразу отказывал, а с местными знакомился и привлекал их к деятельности. Так он познакомился с Богданом – двадцатидвухлетним студентом медицинского ВУЗа. Богдан принял самое активное участие во всём, что было связано со «Свободной Россией» - посещал все сборы, участвовал в обсуждениях и походах, помог написать Устав организации.

У Богдана была тётка, которой принадлежала пустующая квартира, и он предложил проводить в ней все собрания, разумеется, совершенно бесплатно. Теперь сборы СР проходили там. У организации появилось «своё» помещение.

Стояло лето, и ребята часто выезжали на природу. Жгли костры, купались в ещё чистом озере, разговаривали. В одну из поездок Богдан привёз десяток пустых бутылок, техническое масло, бензин, тряпки и скотч. Он предложил попробовать сделать и использовать в тренировочных целях «коктейль Молотова». Бензин с маслом заливался в бутылку, в горлышко засовывалась тряпка, сверху отверстие залеплялось скотчем, и метательное зажигательное оружие было готово. Его испробовали на разрушенном кирпичном доме, стоящем на дальней городской окраине. Быстрый бросок и языки пламени брызнули из-под разбитого стекла. Всем было очень весело.

В начале июля журналист Михаил Аверьянов, получивший в последние месяцы широкую известность в связи с публикациями на экологическую тематику, возвращался поздно вечером домой. На Малой Ордынке дорогу ему преградили двое бугаёв. Один цепко схватил журналиста за куртку, не отпуская, а второй, действуя толстой железной палкой, обрушил на Михаила град ударов. Через пять минут лежащее на тротуаре тело нашли прохожие. Он был жив, но получил несколько переломов и закрытую черепно-мозговую травму. Принимая во внимание характер повреждений,

врачи были вынуждены поместить потерпевшего в искусственную кому. Только через месяц состояние Аверьянова было признано средним по тяжести и его перевели в общую палату.

Нападение на известного журналиста вызвало большой резонанс. Аверьянова поддержали не только коллеги по профессии и представители гражданского общества, но и высокопоставленные российские чиновники, публично выступившие с заявлениями о недопустимости насилия в отношении работников СМИ. Несмотря на это, виновные в нападении так никогда и не были установлены. Оперативно-следственные действия ни к чему не привели. Записи с видеокамер на месте избиения оказались стёртыми.

Строительство экотехнопарка на берегу озера как таковое ещё не начиналось. На месте, где должен был появиться полигон, сейчас стоял только маленький вагончик с двумя охранниками, сторожившими штабеля профнастила, привезённого для возведения забора. Ночью из леса появились тёмные фигуры. Неизвестные тихо пробрались к вагончику со спящими сторожами. В руках они несли канистру с бензином. Фигуры что-то делали в темноте у вагончика, а потом чиркнуло колесо зажигалки о камень, и появился маленький огонёк, увеличивающийся в размерах. Пламя быстро объяло бытовку. Проснувшиеся охранники стремглав выбежали на улицу и остались целы.

- В эфире телеканал «Вечернее Подмосковье». Сегодня мы обсуждаем строительство Сенежского экотехнопарка. Принесёт ли он загрязнение окружающей среде или наоборот поможет утилизировать мусор по самым современным технологиям? У нас в гостях политолог Данила Манилин. Здравствуйте! Скажите,

Данила, будет ли реальная опасность для природы от функционирования экотехнопарка?

- Говоря о возможном вреде для экологии, мы можем руководствоваться только официальными данными. Так вот согласно заключению Росприроднадзора, никакого вреда не будет. Напротив, речь идёт о создании уникального для нашей страны кластера, где будут использованы самые продвинутые технические решения. На самом деле возведение Сенежского экотехнопарка является важным этапом диверсификации российской экономики, и выступать против этого могут только откровенные враги.

- Однако международные экологические организации утверждают обратное. Как вы можете это прокомментировать?

- Не секрет, что штаб-квартиры так называемых международных экологических организаций находятся исключительно в США, то есть на территории вероятного противника. И контролируются они американским Госдепом. Если посмотреть на инспирированные из-за рубежа экологические протесты в РФ, то всегда они затевались в связи с созданием новых предприятий, имеющих большое экономическое значение. По сути, эти организации используются их теневыми руководителями в качестве тормоза для снижения экономического роста России, для сохранения технологической отсталости страны. Люди же, которых иностранные агенты выводят на незаконные акции, не понимают, пешками в какой игре они являются. Поэтому власть поступает совершенно правильно, жёстко требуя соблюдения законности при проведении публичных мероприятий.

- Недавно «Современная газета» выпустила материал о связях местных чиновников с фирмами, занимающимися строительством. Было выдвинуто предположение о коррупционной заинтересованности администрации в том, чтобы был построен экотехнопарк. Нужно ли всерьёз относиться к подобным заявлениям?

- Коррупция – это действительно серьёзнейшая проблема и борьба с ней является магистральной задачей государства, о чём

неоднократно заявлялось на самом высоком уровне. Но этот вопрос находится в компетенции спецслужб. Когда же оппозиционные СМИ публикуют так называемые антикоррупционные расследования, не подтвержденные ни материалами уголовных дел, ни вступившими в законную силу судебными решениями - это называется вброс, и такие вбросы делаются для раскачки ситуации. Совершается попытка пропиарить определённых политических деятелей на данной недостоверной информации, а других наоборот дискредитировать. Мы наблюдаем настоящую кампанию, раскручиваемую по методам цветных революций, когда информационные вбросы используются для нагнетания обстановки и провоцирования незаконных митингов. Совершаются попытки искусственным образом создать предмайданную ситуацию. Непосредственное участие в этом принимают оппозиционные газеты, контролируемые Западом, публикующие заведомо ложные, абсолютно бездоказательные статьи. На глобальном уровне идёт противостояние больших держав и нет сомнений, что в срыве нацпроекта «Экология», ключевой частью которого является возведение экотехнопарков, заинтересован только наш геополитический противник. Посмотрите кому это выгодно, как говорили древние. Что же касается конкретного мэра и голословных обвинений в его адрес выдвинутых оппозицией, то здесь мы как раз видим чиновника, приложившего все силы для развёртывания экотехнопарка, то есть внёсшего свой вклад в развитие страны. Неудивительно, что у иностранных агентов он как бельмо в глазу.

- Чего ждать местным жителям, волнующимся в связи со всеми этими событиями?

- Прежде всего, успокоиться и ни в коем случае не воспринимать информацию из сомнительных источников. Проявлять здоровую бдительность и не поддаваться на провокации. Строго соблюдать закон и не принимать участие в несогласованных протестах. И ждать скорого улучшения жизненных условий. Новое высокотехнологичное предприятие создаст новые рабочие места, наконец, появятся деньги на решение острых социальных вопросов.

Будут построены новые детские сады, отремонтированы школы, дороги. Местным жителям от возведения Сенежского экотехнопарка нужно ждать только хорошего.

Фёдор проснулся от шума. Кто-то непрерывно звонил в дверь и одновременно стучал в неё. Стоящие на столе часы со светящимися цифрами показывали шесть утра. Когда он заспанный и слегка удивлённый столь ранним визитом непонятно кого вышел в трусах из своей комнаты в коридор родители уже отворили. Квартира мигом заполнилась кричащими вооружёнными людьми в чёрной форме. «Полиция», - понял Фёдор и сердце ёкнуло. Спецназовцы мигом заломали ему руки, надели наручники и кинули на пол, наступив на спину ногой. Однако уже через несколько минут его рывком подняли.

- Вот постановление суда о проведении у вас обыска, ознакомьтесь, - сказал следователь – высокий мужчина с холодными глазами и протянул Фёдору лист бумаги. – И вы можете одеться.

По всем комнатам уже разошлись деловитые оперативники в штатском – крепкие мужики среднего возраста. Спецназовцы, выполнив свою задачу, покинули жилище. У двери жались двое понятых – женщина и мужчина – соседи. Начался бессмысленный и беспощадный обыск. Бессмысленный потому что Фёдор знал, что у него дома нет и никогда не было оружия, наркотиков или каких-то других запрещённых вещей, а беспощадный из-за грубого поведения полицейских, кидавших вещи прямо на пол, ломающих и разрывающих их. Сразу же забрали и опечатали компьютер и мобильный телефон. Брали книги, фотографии, любые записи, одежду, складывая вещи в огромные полиэтиленовые мешки. Зачем-то разобрали телевизор. Опера, орудовавшие небольшими ломачами, вскрыли пол, отодрав паркет у окна. Забрали даже кроссовки.

После обыска Фёдора в наручниках вывели из дома и усадили на заднее сиденье автомобиля между двумя полицейскими. Через несколько минут машина остановилась у офиса местного Следственного комитета. Парня завели по лестнице в кабинет на втором этаже. В уголке на стуле здесь уже ждал невзрачный человек, представившийся адвокатом назначенным государством. Своего адвоката у Фёдора не было.

- Сейчас вам будет предъявлено обвинение, - объяснил следователь и включил компьютер. На стене кабинета висел портрет Дзержинского, и репродукция старого советского агитационного плаката «Не болтай!» с изображением суровой женщины в красном пиратском платке, держащей у рта поднятый вверх указательный палец.

- Вы обвиняетесь в совершении преступлений по статьям 105 часть 2, 282 прим. 1 часть 1, 282 часть 1 и 282 часть 2 Уголовного кодекса, то есть в попытке убийства двух человек, создании и руководстве экстремистским сообществом, разжигании ненависти и вражды с использованием СМИ и в разжигании вражды с применением насилия.

Следователь взял уголовный кодекс и протянул его Фёдору с открытой на сто пятой статье страницей.

- Ознакомьтесь.

«Наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет, либо пожизненным заключением или смертной казнью».

У Фёдора всё заледенело внутри.

- Но я никого не убивал!

- Следствие придерживается противоположного мнения. Я вам советую прямо сейчас сделать чистосердечное признание, и тогда это будет засчитано как смягчающее основание и будет учитываться судом при назначении наказания.

- Я ничего не совершал и мне не в чем признаваться! – упрямо проговорил парень.

- В таком случае я должен взять у вас показания об обстоятельствах дела.

- Я не буду давать показания!

- Что ж, у вас есть это право. Но имейте в виду, что суд обязательно примет во внимание ваш отказ от сотрудничества со следствием и вынесет вам самый суровый приговор. В ваших интересах всё-таки дать показания.

- Не буду, - мотнул головой Фёдор. Он знал, что не совершал никаких попыток чьих-либо убийств, а деятельность «Свободной России» не носила преступного характера. То, что они постили в интернете материалы против строительства мусорного полигона и вместе купались на озере, преступлением быть не могло. «Надо бороться, нельзя идти у них на поводу», - думал упорный юноша.

Осознав, что признавать вину парень категорически не желает, следователь распечатал на принтере постановление о привлечении Фёдора в качестве обвиняемого, дал расписаться, вручил копию и вызвал оперативников.

- Сейчас вы будете доставлены в суд, где вам будет избрана мера пресечения.

Суд находился в соседнем здании в нескольких десятках метров, и Фёдор преодолел их пешком в сопровождении двух полицейских, державших его под руки, следователя и адвоката, так и не проронившего ни слова.

В суде их уже ждали, парня быстро завели в зал, закрыли в клетку и почти сразу же появился одетый в длинную чёрную мантию судья.

Процедура избрания меры пресечения была отлажена как процесс заказа и приготовления пищи в ресторане быстрого питания. Следователь зачитал ходатайство о заключении обвиняемого под стражу, судья вышел на две минуты из зала, вернулся, скороговоркой зачитал своё решение и с этого момента Фёдор стал заключённым. Суд постановил посадить его в СИЗО сроком на два месяца.

На этот раз его посадили в автомобиль и повезли в следственный изолятор, находящийся на окраине города. Это было мрачное длинное трёхэтажное здание в промзоне, окружённое четырьмя рядами высоких заборов с колючей проволокой и вышками с автоматчиками. Полицейский автомобиль въехал во двор через шлюз с лающими собаками и остановился прямо у дверей тюрьмы. Фёдора вышел из машины и его ввели в здание. Через широкий коридор с высокими потолками, лампами дневного света и крашенными в зелёный цвет облезлыми стенами он прошёл к столу, за которым сидела толстая прыщавая женщина в форме ФСИН.

- Фамилия, имя, отчество? – спросила она недовольным голосом – то ли Фёдор ей чем-то досадил, то ли по жизни была не в настроении. – Год рождения? Статья? Место жительства? – Женщина записала данные в тетрадь.

Фёдора заперли в камере и вольные полицейские ушли. Теперь он находился в полной власти сотрудников ФСИН.

Первая камера, куда он попал, представляла собой так называемый «собачник» - помещение для временного содержания заключенных. Здесь обычно держали не более нескольких часов и потому в камере не было ничего кроме разбитого вонючего туалета и скамеек вдоль стен. Через сорок минут дверь открылась, и насвистывающий сотрудник в зелёном камуфляже вывел Фёдора из камеры и привёл в кабинет оперативников на другой стороне коридора.

- Почему показания не даёшь? – спросил его опер.

- Имею права не давать, - мрачно ответил Фёдор.

- Сейчас тебе надо не о правах думать, а о том, как здесь жить будешь! А варианты могут быть самые разные. В общем, надумаешь давать показания, сразу ко мне. – Фёдор не знал, что опера сопровождавшие его дело сразу после предъявления обвинения побывали здесь и попросили тюремного коллегу организовать на него давление, чтобы он изменил свою позицию по делу. В СИЗО имелась налаженная система по оказанию

психологического и физического воздействия на несговорчивых арестантов и фигурантам дела «Свободной России» было суждено в полной мере испытать её на себе.

Оперативник сам довёл парня до камеры в конце коридора и открыл железную дверь. Фёдор вошёл в неизвестность.

В то же утро аналогичные события произошли у Ильи, Глеба и Ани. Утренний обыск, разгромленная квартира, наручники, грубость полицейских, предъявление обвинения, уговоры следователя дать признательные показания, суд и СИЗО. Из четырёх фигурантов дела только Илью отпустили под подписку о невыезде, потому что он согласился дать показания, признать, что участвовал в экстремистском сообществе и рассказать о действиях каждого участника. А как можно отказаться, когда ценой согласия становится собственная свобода и вся дальнейшая жизнь, а отказ приведёт к ещё более страшным страданиям?

- Я думаю, ты нормальный парень и ни в чём не виноват, но связался с плохими ребятами, задумавшими нехорошие дела, - сочувственно сказал ему следователь. – Если ты честно обо всём расскажешь, то будешь спать сегодня дома в постели, а не в камере в окружении уголовников, как Фёдор и остальные. А если подтвердишь показания в суде, то тебе будет гарантирован условный срок. И этот неприятный эпизод твоей жизни забудется как страшный сон.

Илье ничего не оставалось, как согласиться со следователем. Сама мысль о том, что он - вчерашний школьник, восемнадцатилетний юноша, ещё совсем не знающий жизни, неконфликтный и физически не особенно развитый, попадёт в тюрьму, была невыносима. Он не имел ни малейшего представления о том, как там можно жить и сомневался, что сможет выжить. Страх пронизал всё его существо, парализовав волю. Как оказать сопротивление,

если против тебя выступает государственная система, состоящая из множества взрослых, умных и сильных взрослых людей, в распоряжении которых оружие, законы, тюрьмы и суды? Да если бы он знал, что так всё обернётся, то никогда и близко не подошёл бы к Фёдору. Разве он мог знать, что их совместные поездки на природу и ведение группы в соцсети это экстремизм? Никто ему об этом не говорил. Под воздействием стресса у него открылся поток сознания и, сбиваясь на жалобно-истерические нотки, Илья рассказывал и рассказывал, а следователь записывал его показания на компьютере.

Илья рассказал обо всём: как боролись с бандой Русланчика два года назад, как подружились и пошли на митинг, как приняли решение бороться против государства и публиковали в интернете экстремистские посты с критикой чиновников, как ездили в лес. Особенно следователю был интересен Фёдор – лидер и организатор группы. Что он говорил, что делал, какие указания давал, о каких планах делился с друзьями – всё это следователь тщательно записывал в протокол, задавая массу уточняющих вопросов. Повышенный интерес вызвала последняя поездка, когда парни делали и метали в разрушенный дом зажигательную смесь. Следователь заставил Илью в малейших подробностях описать происходившее.

- А теперь расскажи о том, как вы подожгли бытовку на стройке, - попросил он.

- Это не мы! – ответил Илья. – Я был той ночью дома!

- Хорошо, но может быть такое, что Фёдор с Глебом сделали это вдвоём?

- Не знаю. Мне никто ничего про это не говорил.

- Но планы такие озвучивались?

- Нет.

Допрос продолжался несколько долгих часов. Показания Ильи составили полтора десятка страниц вопросов и ответов.

Следователь не обманул. После того как протокол допроса был распечатан, и Илья поставил под ним свою подпись, он выписал ему подписку о невыезде и дал пропуск для выхода из здания.

В отличие от Ильи Аня послала следователя ко всем чертям. Острая на язык девушка долго высказывала всё, что думает о Следственном комитете Российской Федерации и его работниках, обслуживающих интересы продажных чиновников, и никто не мог заставить её замолчать. Вероятно, именно это повлияло на решение следователя, поначалу думавшего сразу отпустить её под подписку. Разозлённый, он обратился в суд с ходатайством об аресте. Однако Ане ещё не исполнилось восемнадцать (совершеннолетие она готовилась отпраздновать только через неделю), а неподготовленный следователь не смог убедительно обосновать необходимость заключения девушки под стражу, и суд постановил продержать её 10 суток в КПЗ, и за это время следствие должно было собрать дополнительные доказательства, чтобы снова выйти в суд с ходатайством об аресте.

В тот же день отец Ани – майор уголовного розыска Николай Николаевич, пришёл в кабинет к начальнику городской полиции полковнику Константину Сергеевичу. Последний был уже в курсе событий.

- Моя дочь должна быть выведена из этого дела! – с нажимом произнёс Николай Николаевич, сидя на стуле перед начальником, расположившемся в мягком кресле по другую сторону большого стола.

- Коля, я не могу, - ответил начальник полиции. – Следственный комитет мне не подчиняется!

- Я знаю, что ты всё можешь решить, - не отступался отец Ани. – И ты решишь в наших общих интересах. – Это был крепкий сорокалетний мужчина с жёстким лицом и ледяным взглядом. Он

был преисполнен решимости сделать всё необходимое для освобождения дочери.

Константин Сергеевич взглянул на Николая Николаевича, встал из-за стола, подошёл к окну, открыл форточку, достал сигарету с золотой полоской на фильтре и закурил.

Десять лет назад, когда они оба были молодыми капитанами, им доводилось нередко проводить вместе время вне служебных обязанностей. Однажды они провели ночь в одном пансионате в ближнем пригороде, и выпили больше, чем следовало. Оба они навсегда запомнили эту жуткую ночь, хотя и старательно вымарывали её из памяти, безуспешно пытались стереть опасное воспоминание. Подобно врачам, которые в силу своей профессии должны быть хладнокровны по отношению к вещам, не способными оставить равнодушными обычного человека, полицейские, сталкивающиеся в своей работе с концентрированной человеческой грязью, обычно не обнаруживают нормальных человеческих эмоций. Но в ту ночь два молодых опера Костя и Коля, отмечавшие проведение удачной операции, значительно их обогатившей и ставшей новой ступенькой карьерного роста, вышли за грань всех моральных барьеров.

Пансионат стоял посреди густого тёмного леса. Двухэтажное здание с номерами и несколько хозяйственных построек поменьше – баня, кухня со столовой, домик администратора. По осени пансионат стоял пустым, в окнах не горел свет. Шёл мокрый снег, скрадывающий все звуки и движения, белые хлопья падали стеной.

Милиционеры устроились в банном комплексе. Помимо парилки, просторных душевых и маленького бассейна, наполненного прохладной водой, здесь было несколько комфортабельных комнат для отдыха. Слуги закона были не одни, привезли с собой двух молодых девушек из города, рассчитывая весело провести время. На столе: водка, вино, пиво, маринованные огурцы, фрукты, ветчина, колбаса, хлеб. Почему всё произошло именно так – можно только предполагать. Львиная доза алкоголя, помноженная на ощущение безграничной власти, коим были преисполнены выпивающие менты, сделала своё дело. Произошёл конфликт,

приведший к печальным последствиям. Правоохранители напились до состояния утраты контроля над своим поведением, переругались с девчонками и убили их, зарубив топорами, находившимися в арсенале бани. Тела утром выкинули в лесу, и никто не узнал, что это были они.

С тех пор прошло двенадцать лет, Коля и Костя стали в городе большими начальниками. Костя – начальником всей полиции, Коля – заместителем начальника УГРО. Оба старались не вспоминать о произошедшем, но то убийство, далеко не последнее в их жизни, но наиболее бессмысленное и им самим неприятное, связало их крепкими узами, разорвать которые могла лишь их смерть. Константин Сергеевич не раз задумывался над этим вопросом, ему не нравилось, что кто-то знает о нём нечто способное привести его в камеру пожизненного заключения, однако опасался, что ликвидация Николая Николаевича может выйти ему боком, потому что хладнокровный и рационально мыслящий товарищ наверняка предусмотрел данное развитие ситуации. К тому же они продолжали оставаться в одной команде, делали общее дело, зарабатывали деньги и осуществляли власть, а события прошлого остались в прошлом и никому из них двоих не было никакого смысла признаваться в содеянном.

Старый друг не часто досаждал просьбами, и начальник хорошо понимал, что положение исключительное и потому решил ему помочь. Семья это святое и для своего ребёнка он сделал бы всё возможное, чтобы выручить его. Константин Сергеевич и вправду не имел отношения к Следственному комитету, являющемуся отдельным органом, не подчиняющимся МВД, но слово начальника полиции имело в системе городской власти огромный вес. Слишком много рычагов воздействия и ниточек, ведущих к разным людям находилось в руках у главного полицейского, чтобы его просьба могла быть оставлена без ответа.

Ане крупно повезло. Скоро её перевели в ранг свидетеля и отпустили из КПЗ, а когда она отказалась давать свидетельские показания, по-тихому вывели из дела, будто её там никогда и не было.

В восьмой камере СИЗО, куда привели Фёдора, находилась так называемая «пресс-хата», созданная для выбивания показаний из несговорчивых заключённых и вымогательств. Опера сажали сюда тех, на кого их вольные коллеги попросили оказать давление и тех, о ком имелись сведения, что они владеют значительным имуществом и деньгами. Обычно недели проведенной в восьмой камере хватало, чтобы человек написал явку с повинной или переписал на кого-то свой бизнес.

Главным в пресс-хате был Хохол – тридцатипятилетний уголовник со стажем – насильник и грабитель, без каких-либо моральных ценностей и установок. Безобразное лицо Хохла с отметинами весёлой алкогольно-наркотической жизни и без того не обезображенное признаками интеллекта, украшал жуткий шрам, тянущийся от правой брови к подбородку. За беспредел, попади он в зону, его бы гарантированно опустили или вовсе убили бы и потому нахождение в СИЗО и исполнение приказов оперов являлось для него единственной возможностью выжить. К тому же он получил восемь лет по тяжкой статье, однако сидя здесь в камере, числился «баландёром» и гарантированно мог уйти на свободу уже через четыре года по ходатайству администрации по УДО.

Хохол подобрал себе в помощники молодых спортсменов – Саню и Дениса, которым было плевать на уголовные понятия, готовых бить и пытаться людей ради поблажек администрации и кайфовой жизни. В камере всегда находилось несколько смартфонов с безлимитной связью, большой плазменный телевизор и игровая приставка, холодильник, набитый едой и даже отдельный душ. Надзиратели никогда не проводили здесь обысков, обходя восьмую камеру стороной.

Поэтому неудивительно, что едва Фёдор переступил порог, и за ним закрылась дверь, как парень получил мощный хук, едва не

отправивший его в нокаут. Но сработали рефлексy, выработанные на многих тренировках, и он в последний момент смог слегка уклониться от хорошо поставленного удара и остался на ногах. Не оставаясь в долгу у нападавшего, он два раза – правым, а потом левым кулаком ударил его в ответ и сразу же повторил двоечку, а потом ещё раз. В результате спортсмен Саня отступил от двери вглубь камеры с разбитым носом, распухшей скулой и ноющей болью в голове, а на Фёдора пошёл второй подручный Хохла – Денис.

Это был высокий плотный молодой качок в шортах и майке, под которой бугрились мышцы. Он сделал несколько обманных ударов, проверяя уровень оппонента, и вдруг остановился.

- А я тебя знаю, ты ведь в клубе «Восход» занимался?

- Да, - ответил Фёдор, не выходя из боевой стойки. Он действительно четыре года занимался боксом в этом подростковом клубе.

- Ты же тоже у Семёна Петровича был, только в младшей группе, - сказал Денис, улыбаясь.

- Чо за фигня? – подал голос Хохол, всё это время сидевший на нижнем ярусе двухэтажной кровати. – Дружка встретил?

- Занимались боксом у одного тренера в одном клубе, - пояснил Денис.

- И чо теперь?

- Ничо. Только тех, кто у Семёна Петровича занимался, так просто не положишь, - подмигнул Денис Фёдору. – Вон как он как Санька отделал за считанные секунды. – Санёк в этот момент склонился над унитазом, его тошнило.

- Не знаю, чего ты натворил, но менты за тебя перевозбуждённые, - сказал Хохол Фёдору. – Профилактику тебе провести попросили и куда ты от этого не денешься.

- И что надо бить, если менты просят?

- Ты нас не суди, у нас своя жизнь! Каждый выживает, так как он может!

- Значит, буду выживать, - сказал Фёдор, снова становясь в боевую стойку. – Сюда иди, гнида! – Несмотря на встречу с однокашником по клубу он понял, что в этой камере ему жизни не будет и что надо драться, а там будь что будет. У него будто открылось новое дыхание, и не было ни капли страха.

Внимательно наблюдавший за предыдущей стычкой Хохол трезво оценивал свои перспективы на поединок с Фёдором и остался на месте. Никакого большого интереса к личности парня не было ни у него, ни у тюремной администрации. Хотели немного «прожарить» человечка, а вот как оно вышло. Хохол решил идти к оперативнику и договариваться о переводе Фёдора в другую хату. Революционер с понятиями, да ещё и боксёр ему в камере был совсем не нужен.

Председателю Следственного комитета
Российской Федерации генералу
Юстиции Александру Ивановичу
Бастрыкину от старшего следователя по
Особо важным делам Управления СК по
Московской области Ю.М. Кузнецова

Уважаемый Александр Иванович!

В настоящее время Управление Следственного комитета России по Московской области при оперативном сопровождении Центра по противодействию экстремизму МВД РФ осуществляет комплекс следственных действий в отношении членов экстремистского сообщества «Свободная Россия».

Установлено, что лидером и идеологом сообщества является местный житель *** Фёдор *** 20** года рождения, который не позднее 30 июня 20** объединил вокруг себя сочувствующих экстремистским взглядам из числа друзей и знакомых. Им создана группа в социальной сети, с помощью которой через возможности ОТКС «Интернет» члены организации осуществляли распространение деструктивных идей.

Экспертами Центра судебных экспертиз МВД РФ Магомедовой Р.Х. и Фаляхутдиновой Ф.С. дано заключение о том, что размещённая в группе информация является экстремистской и направлена на возбуждение ненависти и вражды к социальной группе «чиновники» и «сотрудники полиции».

В ходе проведённых оперативно-следственных мероприятий вина обвиняемых доказана собранными доказательствами. Один из обвиняемых *** Илья *** дал признательные показания и активно сотрудничает со следствием.

Установлено, что члены экстремистского сообщества проводили т.н. «загородные сборы», на которых организовывались спарринги, изготавливались взрывчатые вещества (т.н. «коктейль Молотова»), велись разговоры о борьбе против государства.

Установлено, что члены экстремистского сообщества готовились к совершению противоправных действий с целью дестабилизации общественно-политической обстановки и насильственного свержения конституционного строя.

В тоже время не подтвердились подозрения о причастности «Свободной России» к нападению на лагерь строителей Сенежского экотехнопарка. В указанное время фигуранты дела находились на значительном расстоянии от места строительства, что подтверждается показаниями свидетелей. Кроме того, причастность членов сообщества к нападению опровергается результатами проведённых по делу экспертиз. По месту жительства, на одежде и обуви обвиняемых следов, указывающих на их участие в поджоге, не обнаружено.

Совершения членами экстремистского сообщества серьезных преступлений удалось избежать благодаря внедрённому ФСБ секретному агенту, участвовавшему в оперативной игре.

Управлением Следственного комитета РФ по Московской области собраны все изобличающие преступников доказательства. Уголовное дело в данный момент готовится к передаче в суд.

Старший следователь по особо важным делам СК РФ по Московской области Ю.М. Кузнецов

Глебу пришлось намного хуже. Он согласился дать показания, однако пытался юлить и недосказывать, только осложнив этим своё положение. Следователь вышел в суд с ходатайством об аресте и его посадили в СИЗО в ту же восьмую камеру, которую недавно покинул Фёдор.

Щуплый и нерешительный Глеб защитить себя не сумел, его сильно избили, а волю быстро сломали, превратив его в раба, выполняющего все команды злых и жестоких хозяев. В тот вечер корпусной принёс Хохлу литровую бутылку спирта и беспредельщики напились. Как результат Глеба не просто побили, но и изнасиловали. Похихатывающие дюжие спортсмены Саня и Денис держали парня за руки, а Хохол удовлетворил похоть.

Отныне по тюремным представлениям Глеб навсегда стал представителем самой презираемой низшей касты неприкасаемых, чей удел - непрерывные оскорбления, уборка туалетов и прочие грязные работы. За считанные часы юноша погрузился на самое дно океана боли и унижений, испытал переворачивающий сознание шок. Разум его помутился.

Утром, когда мучители спали после вчерашней пьянки, Глеб скрутил длинное банное полотенце в петлю, надел её на шею и повесился на металлической трубе, проходящей под потолком.

Мать Глеба – Нина Семёновна, вмиг поседела от горя, когда ей сообщили, что сын умер в тюрьме. Он был её единственным ребёнком, долгожданным и любимым. Заботы о сыне составляли самую основу её существования, теперь же всё переменялось. Огромная чёрная тень легла на мир, наполнив жизнь одной лишь скорбью и страданием.

Нужно было организовать похороны, но телефонная трубка не давала ответов. Сотрудники СИЗО ссылались на необходимость следственных действий и вскрытия, отказываясь называть дату выдачи тела родным. Тогда Нина Семёновна поехала в изолятор сама.

Ей долго пришлось сидеть на истерзанной деревянной скамейке в грязном коридоре, дожидаясь пока представитель СИЗО соизволит её принять. Дождалась: толстая женщина в форме с хмурым лицом пустила её в кабинет.

- Как это произошло? Почему? – спросила она у женщины.

- Вам должно быть виднее, - развязно ответила тюремщица. На её пальцах-сардельках висели гроздь золотых колец, а пухлое лицо с большими скулами было грубо накрашено тональным кремом и пудрой. – Сюда просто так людей не привозят! Здесь режимное учреждения для преступников. Может ваш сын терзался муками совести от того, что совершил?

- Я уверена, что он ничего плохого не делал! Обвинение шито белыми нитками! – возразила Нина Семёновна.

- Все так говорят! – отрезала толстуха.

- Отдайте мне моего сына, - жалобно попросила убитая горем мать и тихо добавила: - Пожалуйста.

- Не положено! - рявкнула тюремщица и тут же поправилась: - Сразу не положено. Теперь судмедэксперт установит причины смерти, хотя всё тут и так понятно, потом наше учреждение проведёт внутреннюю проверку и только после этого тело будет вам выдано в целостности и сохранности.

- Сколько займёт времени проверка? – тихо спросила Нина Семёновна.

- Неделя, две недели. Это не от меня зависит. Вы не волнуйтесь особо, никуда тело не пропадёт, сын же ваш не террорист?

- Нет.

- Вот. Это только террористов тела мы по федеральному закону родственникам не возвращаем, а обычный труп, конечно, вернём.

Нина Семёновна горько заплакала, сжав руками съехавший набок вологодский платок.

От отца Глеба толку в тот день не было. Вадим – сорокалетний сумрачный небритый мужик в тельняшке и синих спортивных штанах, два раза в год уезжавший из города на несколько месяцев на вахту, а в остальное время перебивавшийся временными халтурами и бездельничавший, резко запил, только узнав о смерти сына. Нина Семёновна поехала в следственный изолятор, а Вадим отправился в круглосуточный магазин во дворе. К приезду жены он уже находился в невменяемом состоянии. Добиться от него осмысленной и членораздельной речи было невозможно. Вадим заперся в комнате, где повисли клубы табачного дыма и сивушные испарения и никуда не выходил. Только к утру он вышел из квартиры и вновь пошёл в магазин. Хотя по закону продавать алкогольные напитки в ночное время было нельзя, в дворовом

павильончике, принадлежавшем кавказцам, на этот запрет не обращали внимание. Торговля бухлом составляла основную часть дохода.

Проведя ещё несколько часов за употреблением крепких спиртных напитков, мужчина окончательно впал в состояние психической прострации. Нина Семёновна же в основном плакала, ей не спалось. Была уже середина дня, дверь комнаты открылась, и шатающейся походкой Вадим вышел из квартиры. В руках он держал старенькое гладкоствольное ружьё МР-153 с магазином на 4 патрона. Отец Глеба направился в сторону мэрии. Как раз к этому моменту Нина Семёновна наконец задремала и ничего не слышала.

Полицейский экипаж был припаркован на площади невдалеке от собора. Двое ментов, сидевшие в машине, лениво жевали сосиски, запечённые в тесте, купленные невдалеке в ларьке. До конца смены оставались ещё долгие часы. Стояла жара, на улицах почти не видно было народу, люди разъехались по дачам или уехали на озеро. Полицейский автомобиль «Патриот-УАЗ» нагрелся под солнечными лучами, в салоне царил духота, хотя боковые окна были открыты.

- Эй, смотри! – молодой мент толкнул напарника рукой. – Мужик с ружьём!

Вадим в тельняшке и спортштанах в резиновых тапках на босу ногу, покачиваясь, шёл вдоль проспекта, сжимая оружие. Его незрячие, широко открытые глаза были налиты кровью.

- База! Вызываю базу! Это Антохин, третий экипаж! Ответьте! – залопотал полицейский в рацию. – У нас чрезвычайная ситуация, ответьте!

- База слушает. Что у вас? - наконец раздался голос дежурного, прерываемый шипением эфира.

- Вооружённый ружьём мужчина на площади Ленина! Ориентировочно в состоянии алкогольного опьянения. Направляется в сторону мэрии!

- Вот бл****, - нецензурно выругался дежурный. – Сейчас сообщу охране администрации и вышлю подкрепление. Но вы-то сделайте хоть что-нибудь, пока он никого не застрелил!

Полицейские выбежали из машины, выхватив пистолеты, на ходу снимая предохранители и досылая патроны в стволы.

- Мужчина, остановитесь!

Вадим повернул голову в сторону бежавших к нему правоохранителей, и жуткая гримаса исказила его лицо. По щекам его текли слёзы.

- Мрази! Ненавижу! – зарычал Вадим и медленно направил ружьё в сторону полицейских. Прозвучали три пистолетных выстрела. Вадим упал на обочину убитый наповал. Кровь стекала на землю по траве.

Зазвонил телефон, и Нина Семёновна проснулась. И сразу на неё хлынул поток ужаса, уже вторые сутки как вторгнувшегося в её прежде спокойную размеренную жизнь. Во сне ужас вроде бы отступил, превратившись в неконкретное ощущение страха и боли, но с пробуждением вновь заполнил всё сознание несчастной. Женщина встала и подошла к столу, где стоял старый домашний телефон с проводной трубкой. Сняв трубку, она поднесла её к уху. Спустя минуту трубка выпала из её руки. Нетвёрдо ступая негнушимися ногами, Нина Семёновна вышла на балкон, схватилась за край железобетонного ограждения и, совершив усилие, перекинула своё тело на другую сторону. Снизу раздался звук глухого удара и треск, словно кто-то уронил на асфальт большой арбуз. Квартира Нины Семёновны, Глеба и Вадима, которых в этом мире больше не существовало, находилась на последнем девятом этаже старого обшарпанного советского панельного дома.

С самого высшего верха, где обитают российские чиновные небожители, имеющие постоянный доступ к Самому и определяющие всю политику страны, мэра предупредили, чтобы и не думал в день похорон совершать какие-либо репрессии против скорбящих. Пусть оппозиция и говорит, что в России сейчас диктатура, но наша диктатура просвещённая, либеральная и ничем не похожая на жуткие времена сталинских репрессий, о которых отрицательно отзываются все представители современной власти. У нас больше не едят людей, а если где-то и случаются политические убийства и пытки заключённых, то это эксцессы исполнителя или исключения, не составляющие правил. Поэтому на похоронах людям дали возможность выпустить пар, вдоволь наговориться (сотрудники ЦПЭ, разумеется, провели оперативное мероприятие «наблюдение» и все речи скрытно записали на видео) и мирно разойтись по домам. Утро же, как известно, вечера мудренее. Пройдёт время и всё забудется. Люди, сегодня возмущённые действиями властей, завтра погрязнут в заработке средств для пропитания себя и своих семей и навсегда забудут про политику. Рядом со свежими могилами появятся новые и новые, и память постепенно сотрётся, замещаемая свежими впечатлениями и информацией. Государственная машина продолжит работу, строя и перемалывая, осваивая и разрушая. Экотехнопарк же, как и все прочие начинания власти, будет ещё долго работать, принося прибыль заинтересованным лицам.

Что-то сломалось в душе у Павла Валентиновича, безмолвно стоявшего у трёх гробов. Будто сломался механизм, ранее безотказно вырабатывающий жизненную силу и оптимизм, без которых никогда бы не сдвинулись с мёртвой точки многочисленные общественные проекты отставника. Ни слова не произнёс старый полковник на похоронах и только схватился за сердце, вдруг больно кольнувшее в груди, когда гробы опустили в могилы. Встревожено посмотрела на него его верная супруга Зинаида Петровна. Павел Валентинович был сам не свой –

бледный, постаревший, малоподвижный, молчаливый. С кладбища полковника увезли в больницу на скорой помощи с подозрением на сердечный приступ.

Фёдор уже почти месяц сидел в СИЗО и расследование по делу «Свободной России» было почти завершено. На следующей неделе предстояло ознакомление с материалами дела и передача его в суд. Следствие отказалось от предъявления обвинения в попытке убийства двух охранников на стройке, и потому Фёдор был настроен оптимистично. Да, остались обвинения в экстремизме, и по ним он мог получить пять или шесть лет колонии, что всё-таки намного меньше пожизненного заключения, угрожавшего парню изначально. Ане и Илье ничего не угрожало, Богдан оказался секретным агентом спецслужб, добивавшимся чтобы их всех посадили и только при мыслях о Глебе и о его семье, павшими жертвой бесчеловечной системы, Фёдор темнел лицом и у него непроизвольно сжимались кулаки.

В тюремном дворике он отжимался, бегал, спарринговал с сокамерниками, стремясь поддерживать себя в хорошей физической форме. Провокации со стороны администрации СИЗО больше не повторялись.

В тюрьме парень увлекся классической русской литературой, начал запойно читать Достоевского, Толстого, Тургенева, Гоголя, много думал о прочитанном, о том, что произошло с ним и со страной. Конечно, сложно было составить цельную картину всего, не хватало информации, не хватало образования, и Фёдор решил учиться, постараться поступить в ВУЗ в колонии, раз ему не удалось это на свободе.

Вместе с ним сидели разные люди, каждый со своей уникальной судьбой, со своей сложной жизненной историей. Выслушивая их,

парень всегда узнавал для себя что-то новое, служащее пищей для дальнейших вдумчивых размышлений.

«Жизнь полна опасностей и тревог, но если быть готовым преодолевать препятствия, не останавливаясь перед ними, то это путешествие может быть увлекательным и интересным», - думал он, настроившись на философский лад. – «Не так страшно стать узником тюрьмы, как стать предателем собственной совести, как проявить слабость духа, о чём потом будешь жалеть всю жизнь».

Иногда до Фёдора доходили новости о новых экопротестах. Противники мусорного полигона становились живым щитом на пути строительной техники, организовали круглосуточную вахту рядом со стройкой, собрали 500 000 подписей против возведения экотехнопарка. Хотя по самому городу прошли жёсткие репрессии в отношении недовольных, протесты поддержали независимые активисты по всей стране. После массовых митингов в разных городах и подачи многочисленных жалоб в различные органы власти, государство вынуждено было изобразить внимание к доводам протестующих. Была назначена новая экологическая экспертиза, и строительство временно заморозили.

Суд состоялся в августе и продлился он всего три дня. Каждое утро Фёдора выводили из камеры, сажали в автозак и привозили в здание суда. Сначала он сидел в конвойном помещении в одиночной камере, где не было ни воды, ни туалета, а потом его в наручниках заводили в большой зал судебных заседаний с огромным гербом РФ, висящим над кафедрой, где сидела судья – немолодая женщина в чёрной мантии. По дороге Фёдора вели через коридоры суда, и его появление вызывало всплеск активности многих журналистов и сочувствующих. Его фотографировали и снимали на видео, ему хлопали и выражали слова поддержки. Здесь была и Аня, переживавшая за друга и пытавшаяся морально поддержать его приветственными жестами и улыбками.

В зале Фёдора сажали в клетку, словно дикого зверя в зоопарке, Илья же по-прежнему находившийся под подпиской о невыезде свободно сидел на скамье рядом со своим адвокатом. После снятия обвинений с Ани и смерти Глеба осталось только двое обвиняемых.

Главным свидетелем обвинения был Богдан, которого неизвестно как звали на самом деле. В материалах он значился как Иванов Иван Иванович, проживающий в Москве на улице Большая Лубянка, дом 2, то есть по месту нахождения штаб-квартиры ФСБ. Показания он давал через открытую дверь, находясь в тёмной комнате - в соседнем пустом зале с чёрным мешком на голове с прорезями для рта и глаз и через прибор изменяющий голос. Он рассказал, что, являясь сотрудником спецслужб, внедрился в экстремистское сообщество «Свободная Россия» с целью сбора информации о противозаконной деятельности группировки и для её пресечения. По его словам, Фёдор, Илья и Глеб планировали и осуществляли экстремистскую деятельность, готовились к совершению преступлений, изготавливали взрывчатые вещества, организовали сплочённую преступную группу с внутренней иерархией и разделением функций. Лидером экстремистского сообщества являлся Фёдор, пользовавшийся авторитетом у других членов группировки, выполнявших все его указания.

Илья полностью подтвердил все обвинения. Да, группировка была создана с целью незаконного свержения конституционного строя (революции), да, они вели деструктивную деятельность через интернет, да, они совершали загородные поездки, где готовились к массовым беспорядкам путём изготовления и метания «коктейля Молотова».

Были озвучены аудиозаписи с квартиры, где проводились собрания группы.

Потом выступили двое экспертов МВД – суетливые пожилые дамы, давшие характеристику информации, размещённой в группе «Свободной России» в соцсети. По их мнению, со страницы велась пропаганда экстремистских взглядов, в частности публиковались материалы, направленные на возбуждение ненависти и вражды к социальным группам «чиновники» и «сотрудники полиции».

Эксперты посчитали, что высказывания против чиновников, обвинения их в продажности и игнорировании интересов народа, являются запрещённым законом экстремизмом.

Последним выступил прокурор:

- Считаю, что материалами уголовного дела вина подсудимых полностью доказана. Их виновность подтверждается как собственными показаниями, так и показаниями свидетеля и экспертов. Все действия обвиняемых совершались ими умышленно, с осознанием ими их общественной опасности и возможных негативных последствий. Действия, направленные на унижение достоинства лиц по признакам принадлежности к социальной группе согласно уголовному кодексу относятся к преступлениям экстремистской направленности, а экстремизм представляет повышенную общественную опасность. Прошу уважаемый суд приговорить обвиняемых *** Фёдора *** к пяти годам лишения свободы, а *** Илью *** к двум годам лишения свободы условно.

Фёдор не стал возражать прокурору, но выступил с кратким последним словом:

- Уважаемый суд! Дорогие друзья! Видит Бог, я не сделал ничего плохого, никого не обидел, ничего не украл, никому не нанёс вреда. Мы с ребятами хотели защитить озеро, пришли на митинг, веря в свободу собраний, а нас избили космонавты. Тогда мы поняли, что властям нет дела до мнения народа, но не смирились с этим. Конечно, никакого экстремизма мы не совершали, ни к какому насилию не призывали. Да и против кого? Нападать вчетвером на полчища ОМОНа, защищающего власть, захватывать Кремль с бутылкой бензина? Бред. Только один раз мы за городом сделали коктейли Молотова и покидали их в разрушенный дом, а принёс бензин и подговорил нас к этому ваш тайный агент, про которого мы думали, что он наш товарищ. И в группе своей мы никогда не призывали совершать что-то незаконное, только критиковали строительство полигона, выражая своё мнение. Неужели по законам выражение своего мнения — это экстремизм? Если так, то несправедливые у нас законы. Мы никого и пальцем не тронули, но

мой друг Глеб погиб из-за того, что его пытали в тюрьме, куда его посадили вы. Так кто экстремист?

- Попрошу выступать по теме заседания. Рассматривается уголовное дело по созданию экстремистского сообщества, а ваши домыслы бездоказательны! Напомню, что проверка показала, что вашего товарища никто не пытал, – повысила голос судья.

- В общем-то, я сказал всё, что хотел. Виновным себя не признаю!

- Суд удаляется на вынесение приговора.

Фёдор получил четыре года колонии общего режима, а Илья полтора года условно.

Фёдор опротестовал приговор в вышестоящей инстанции – Московском областном суде. Через месяц его вывели на телевизионную связь. На экране были видны смутно различимые силуэты судей, что-то неразборчиво говорившие в микрофон. Согласившись, что для впервые судимого восемнадцатилетнего парня четыре года колонии - это слишком суровый приговор, они постановили снизить наказание до трёх с половиной лет лишения свободы, чему Фёдор обрадовался. Шесть месяцев – это целая жизнь, когда тебе восемнадцать.

Через неделю его увезли в исправительный лагерь. Утром надзиратель открыл дверь, и парень вышел, неся скромную сумку с личными вещами. Его посадили в тесный тёмный автозак и вместе с десятком других осуждённых отвезли к железной дороге, где стоял так называемый «столыпинский вагон» - специальный железнодорожный вагон, предназначенный для перевозки заключённых. Кричащие конвоиры с лающими собаками и автоматами Калашникова стояли в ряд перед вагоном, а арестанты должны были бегом преодолеть два десятка метров между двумя средствами передвижения.

Внутри вагон был разделён на длинный коридор и несколько купе, отделённых прутьями стальной решётки. Окон в купе предусмотрено не было. В туалет водили два раза в сутки, не кормили и не поили. По счастью уже к утру следующего дня поезд прибыл на станцию назначения. Иные же этапы в Российской Федерации могут идти долгими неделями и даже месяцами.

Снова заключённых с сумками и баулами посадили в автозак и повезли непосредственно в лагерь. Через час езды по разбитой дороге автомобиль притормозил и остановился. Послышался скрип открываемого железного забора и автозак въехал в просторный шлюз лагеря. Дверь открылась, и зэки попрыгали на асфальт. Здесь снова лаяли собаки и кричали сотрудники ФСИН, вооружённые резиновыми палками. Фёдор сразу же вспомнил митинг на площади Ленина, когда людей били палками полицейские. Всё возвращается, всё происходит снова, только в худшей форме. И уже некуда бежать от экзекуторов.

- На корты-ы-ы-ы! На корты сад-и-и-ись! Руки оленем! – кричали фсиновцы, надрывая глотки.

Фёдор спрыгнул на асфальт шлюза и сел на корточки рядом с ближним зэком. Арестанты держали руки прижатыми к вискам с растопыренными пальцами. Это и называлось на жаргоне сотрудников ФСИН «оленем».

- Вещи взяли! Бегом! – раздался рёв вертухая. Зэки побежали, куда им указывали. Тех, кто, по мнению сотрудников зоны, бежал недостаточно быстро, они «поторапливали» ударами палок по спине, ногам, ягодицам.

- Быстрее, быстрее! – надрывался человек в камуфляже с дубинкой.

Этап пробежал по какому-то узкому коридору меж двух стен и выбежал в квадратный дворик, где в противоположной стене была открытая дверь.

- Сумки кинули! К стене на растяжку!

Зэки покидали баулы и встали у стены в позе витрувианского человека.

- Шире ноги, мрази! – палки со звонким звуком ударяли по ногам и ягодицам нерасторопных арестантов.

- Хуилы, бл***, - раздался новый голос, показавшийся Фёдору знакомым.

- Первый пошёл! – скомандовал сотрудник и один из вновь прибывших отлепился от стены и забежал в дверь.

- Второй пошёл! – и это был Фёдор. Он обернулся и столкнулся взглядом со здоровым смуглым эком, одетым в чёрную форму с биркой на груди, по-видимому, являющимся активистом, то есть помощником администрации. Активист в развязной позе стоял рядом с ментами и курил сигарету. «Русланчик!», - промелькнуло в голове имя.

- Вот так встреча, - бросил заматеревший кавказец. – Фёдор, мать твою! Вечером потолкуем, должок за тобой немалый. А сейчас, бегом, хуила! – Из дверного проёма раздавались звонкие удары и стоны человека. – Опера ждут!

К О Н Е Ц

Санкт-Петербург, декабрь 2019 – февраль 2020.

Дмитрий Бобров

Если Вам понравилась повесть, то Вы можете поддержать автора с помощью карты Сбербанка 5336 6900 6767 1067 или подписавшись на патреон <https://www.patreon.com/dmbobrov>. Ваша поддержка поможет созданию новых литературных произведений. Свои отзывы о повести Вы можете присылать на dbobrov@protonmail.com.